

1·39
ДМ 27

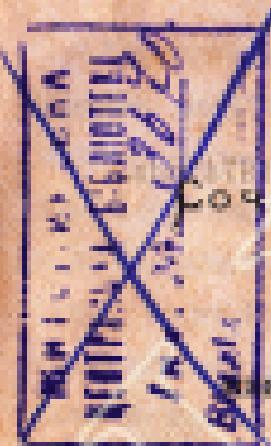
МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА

на

ВОСТОКЪ

отъявленъ
перевѣено

Сочиненіе Поля Жако

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типография Овертайма, по улице Биржевой, между 1-м и 2-м домами.

1874. Книжный магазинъ

84.2(5)

22 (5)

49

24 39

23
24
25
26

14 HOTEL

ТРЕТЬЯ
ОЧЕДЬ

Документ чинурац. № 9 Актуа. 1874 год.

Европейская философия берет свое начало из Греции, но Греция не есть отдаленное предшествие Востока. Не правильна узкаяческая гипотеза, производящая греческую философию из восточной и находившихся зачатки греческих систем: то из Гудей, то из Индии, то из Персии и Египта,— можно подумать, что между Грецией и Востокомъ существует по крайней мѣре таинственное общеіе, соединительная линия, которой была Малая Азія. Греция, быть можетъ совсѣмъ, замкнута въ Востокъ своимъ мышлѣемъ, религію, искусство и первоначальныи научные склонности, отчего-же, сиречь, не могла она замкнуться у него и въ некоторыхъ философскихъ и практическихъ идеяхъ? Но въ самомъ случаѣ, восточный миръ настолько великъ, что нефть право, чтобы мы ссыпали обратно на него внимание. Конечно, для того, чтобы повернуть обратно и теплую партию Востока,

памъ необходимо было бы специальное изложение, кото-
рыхъ мы не имеемъ. Мы хотимъ представить только
краткій очеркъ нравственныхъ и политическихъ воз-
зрѣй Востока, ограничившись главными и на-
больше доступными изъ донесшихъ до насъ памят-
никами.

Но, спрашивается, существуетъ ли Востокъ
нравственные и политические философія? Въ этомъ
сомнѣваться нельзя, но въ крайней мѣрѣ относительно
Китая, въ которомъ жили философы-моралисты и
даже философы-чубинисты, достойные можетъ быть
стать на ряду съ величайшими художниками древней
Греціи. Что касается другихъ народовъ Востока, то
мораль и нравы у нихъ хотя и существуютъ, но
почти не отдѣляются отъ религіи. Въ Индіи были
математические метафизики, но не было ни моралистовъ,
ни публицистовъ. Гдѣмъ больше встрѣчается тоже са-
мое изъ Іузеѣ и Персіи. Но подъ этой религиозной
формой мы находимъ, главнымъ образомъ въ Индіи,
цѣлую систему морали и весьма замѣтительной по-
литики, которая и послужила предшественницей на-
стоящихъ послѣдователей; и тому-же эта система
сама древняя изъ всѣхъ, наѣдъ только памъ известны.
Разніицъ образъ займетъ настъ и Китай, въ силу
особенной ясности и точности его нравственныхъ и

политическихъ учений. О Персии можно привести сказать очень мало, по недостатку сохранившихся источниковъ; что-же касается Гуди, то изученіе Бензаго можетъ также естественно соединяться съ изученіемъ Новаго, что мы хотимъ нынѣшнъ позбѣгти изъ особой главы *).

*.) Примечаній переводчика „Мораль и политика на Востокѣ“, составляющій предисловіе главы (chapitre préliminaire) къ сочиненію Жана Жана: „Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale“. Paris 1932. 2-я изд.

МОРЬ И ПОЛИТИКА ВЪ ИНДИ.

Бразильцы.—Самоцветный горы; цветущий и цветущий характер горных пород.—Практические горы, и общечеловеческие практики.—Всюду, в симподиальных, цветущих горах, любят из ботаники, красоты.—Советские обитатели.—Уезды с национальной.—Богородская чисть.—Полина.—Земельные природные ресурсы.—Шахматы.

Въ Канди зорьи и политика, какъ мы уже сказали, не отдѣляются отъ религіи, религія же зависитъ отъ двухъ видовъ, изъ которыхъ одинъ — и это что иное какъ религіе и усовершенствование другого вида, именно брахманизмъ и буддизмъ. Брахманизмъ никогда не находилъ себѣ Индостанъ; тамъ онъ возникъ, тамъ и господствуетъ до настоящаго времени; покинувши за полуостровъ буддизмъ быль вскорѣ оттуда изгнанъ, но за то распространился по всей Азии. Переходъ отъ одного изъ нихъ къ другому

гому, мы обратимся к разсмотрению одного из важнейших из историй привлекших нас пересортов. Набросаем сначала главнейшие черты морали браминовъ. Если бы мы знали, были ли возможны въ итогѣ синтезъ исторію умерительной морали и сущащихъ ей основаниемъ метафизической науки, то писать должно было бы, во-первыхъ объяснить пантеистическое ученіе, которое составляетъ основу всей религіи и философіи т. Индіи, а затѣмъ и больше или менѣе фанатической мистицизмъ, вытекающій изъ этого ученія. Во-вторыхъ, отношениіе существуетъ единъ изъ самыхъ главныхъ и поучительныхъ памятниковъ — это именемъ Бальдасъ-Джата, одно изъ обращенныхъ литературныхъ и философскихъ произведений Индіи¹⁾. Въ этомъ-то источникеъ и должно изучать истинную философию по всемъ ее величайшимъ во всѣхъ си хребтахъ.

1) Бальдасъ-Джата, также какъ Магадхараты, былъ переведенъ на латинской линии въ 1785 году Нильсона, а на английской — въ французской — въ 1797, аббатомъ Шерра. Въ 1819 году Шастри подстрекъ перевести его на латинской линии съ санскритскими текстами. Этотъ латинскій переводъ былъ скончанъ въ 1844 году, съ вспоможеніемъ, учеными филологомъ Ламбертомъ. Этотъ Бородуфъ перевелъ, еще разъ перевести стихи французской линии. Это сочинение содержитъ привлекшій самой имъ внимание Кунна въ его „Всейдѣйной истории философіи“ (курсъ 1849 года).

Ни одна мистическая об упомянутой там глубине
весь въ Индіи. Всюдѣ, даже у другихъ восточныхъ
народовъ, есть соплеменіе не болѣе какъ временное
исключческое или уточченную расу. Ни «чинава»,
ни феникіиане, ни персіиане, ни іудеи, а еще менѣе
китайцы, не могутъ быть называны мистическими на-
родами; пакротивъ того, изъ Индіи сътворение, аистъ,
всевогоніе изъ божествъ спасающій духъ, чужо
племени, и оттуда уже, можно сказать, переносить-
ся на другіи народы и на другія религіи. Но пакъ-би изъ бого мистичнѣ плещи по своему духу и
по своимъ спредѣламъ, это обманъ однако спредѣ-
льть оба възшшіе поступки гражданскими или
правственными—людьми. Одно сътвореніе повелѣло-
бы съмѣнѣ того общества, которое предалось ему исключ-
ительно. Жизнь предполагаетъ дѣятельность, а дѣ-
ятельность требуетъ законности; отсюда возникаютъ
законодательства, которые сначала считались про-
проходящими изъ самаго божества, и которые у перво-
вѣтныхъ народовъ были въ одно и тоже время
единствами гражданскаго общества и правилами пра-
вственности. Правственность считалась сначала пове-
лѣніемъ самимъ, какъ обильеніе божественной воли.
Она въ одно и тоже время и законодатель, и откры-
тие Божіе: у спреевъ напр. слѣдуетъ искать мораль

Монса во Второмонии, такъ тоже у индійцевъ
мы будемъ вспять начинъ избраниемъ изъ
книжъ Ману¹⁾.

Кодексъ Ману, не смотря на свой практическій
характеръ, заключаетъ въ себѣ пѣвотория изобилую-
щихъ указаний изъ различіи мнѣній мыслителейъ, ко-
торые какъ въ Индіи, такъ и въ Греціи и Римѣ,
группировали вокругъ себѣ различное тунъ по вопросу
о характерѣ верховнаго божества. Одни, такъ назы-
вается говорить, полагаютъ что верховнаго божества заключается
въ соединеніи добродѣтели и богатства, — таъль, по
мнѣнію Ману, мыслять разсудительные люди; другіе
находятъ еду — въ удовольствіи и богатствѣ; третьи —
въ единой только добродѣтели. Эти три рода мнѣній
сильно напоминаютъ германскію, эпизурѣющу-
ю стечность. Ману высказывается по этому посреду
весьма решительно: она стоитъ за эзекіетическое,
попетливое мнѣніе, которое полагаетъ истинное благо
въ соединеніи добродѣтели съ удовольствіемъ и бо-
гатствомъ.

1) Кодексъ Ману (Махата-Дхарма-Бастра) былъ переведенъ Луи-
жаккардомъ-Дакеномъ (Louis-Jacques-Daquin) въ Парижъ, 1822. Кодексъ этотъ, пишетъ въ Введ., содержитъ самъ послѣдователь и
изобретатель: «Сущностную, говорятъ сълѣдь Ману: — двойной авторитетъ: открытие Бхагвата и притомъ Открытие находящееся въ Ве-
ликомъ, предание же сълѣдь Ману». II, 40.

тактическое «это же и есть формальное упоминание»¹⁾, говорить можно.

Автора познаетъ Махат, глубокий психолог; онъ спешно пишетъ человѣческую природу, и говорить что себѣ подобѣ невозможно, но выходитъ съ тѣмъ соглашаться, что человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ него вполнѣ. — «Навсегда еще на землѣ ни одинъ поступокъ не быть совершающимъ противъ его желаній». Ось даже видятъ мы любовь изъ самому себѣ источникъ религіи. — «Но расистъ на конецъ испекаетъ усердіе, мотивы морально-при主动性ъ служатъ благочестивые и строгіе обряды, пронесложившіе отъ изврѣзанія въ заграду смиреніе»²⁾. Эта мораль, конечно, не особенно высокая, но не должно забывать, что мы избѣгаемъ дѣло съ всевозможнѣмъ, который приужданъ былъ приблѣгать къ самому обыкновенному движителю человѣческихъ дѣйствій. Сверхъ того, наряду съ этими правилами, довольно своеобразнаго свойства, встрѣчаются другія правила фразеостроевъ сокращеніи и остановкѣ, тѣмъ правила, отъ которыхъ не отказывались бы самы чистыя и утонченныя мораль³⁾. Мистицизмъ до того свойственъ Индіи, что

¹⁾ Ч. II, 107-го параграфа — это тоже фактъ человѣческой жизни.

²⁾ Ч. II, 2, 8, къ концу параграфа указано: «въспомни о томъ».

³⁾ «Другъ самъ себѣ склоненъ. Никогда не проиграйте неко-

невозможно допустить мысли, чтобы законодатель вообще, тѣмъ больше — религіозный, не удалилъ бы ему должного вниманія. Такъ, Ману рекомендуетъ набожность, спокойствие и удивленное религіозное размышленіе; но обращаясь должнаго вниманія на благотворность, онъ употребляетъ одни изъ своихъ усилий тому чтобы удержать его изъ разумныхъ грешностей. Ману допускаетъ, что отрѣзатъся отъ земельныхъ заботъ позволительно только старцу, у которого лицо не извишлось, въ немъ сѣдые и у которого уже находится передъ гробами въкуль; только тогда онъ можетъ помочь ему удалиться изъ зѣла, для посвященія себя Богу и для спасенія себѣ изъ Всемогущаго.

лучшаго спасѣнія зѣла. Зѣло говорить: «здѣсь не жить; не болѣтъ зѣло, никакъ и бессмертный духъ, который зѣло пронзилъ. — О чакхад! не то зѣло, къѣръ ты покориши себѣ въ силахъ съ смиреніемъ тебѣ, не покориши сердцъ истинно требующаго этого зѣлой духъ, непримѣръ и бессмертной любвиши добра и зла. Этотъ духъ, который находится, то покори сердцъ, сердцъ сердъ, сердцемъ сердца, это Богъ».

«Всѣхъ дѣлаетъ зѣло, склонъ или рѣка, скотъ по тому болѣе ибо оно хороши или дурно, мнитъ за себѣ хорошимъ или дурнымъ (III, 2). Использованіе обманности, не созидалъ то зѣлоѣнаго погрѣхъ, честолюбіе достичь блаженства» (I, III, 2).

«Да умножимъ сеѧ посланіе свою добродѣтель, есть нурии увеличиваютъ свою жизнь. — Когда тѣло прудко зѣло, родственники зѣловому удаляются, отвергаются, то добродѣтель вспыхнетъ и сѣдѣть на его душахъ» (I, II, 240).

существ¹⁾), но до тѣхъ поръ онъ предписываетъ ему исполнить обязанности своего званія. Въ другихъ извѣствъ Магу указываетъ на превышеніе нравственныхъ обязанностей передъ религіозными, и опровергаетъ изъ особенности дождя благочестіе, гордую и лицемѣрную набожность.

«Да исполнитъ постоянно мудрый нравственный обязанности съ большими наказаніями нежели религіозные».

«Тотъ кто препеняетъ своимъ нравственнымъ обязанностямъ, — падаетъ, даже три каскада въѣхъ религіозныхъ обязанностей²⁾. Онъ говорить еще: «мертвоприношенія парализируются землю; послуга, приобрѣтенная строгими религіозными подвигами — тщеславіемъ, плодъ благотворительности — обманомъ³⁾».

«Тотъ кто выдастъ себя за добродѣтельного, кто заявить, что поступаетъ иначе, кто обманываетъ любой недобросовѣстностью, кто жестокъ, кто клевещетъ на всѣхъ — тотъ уподобляется кошкамъ⁴⁾. »Даидка⁵⁾

¹⁾ VI, 2.

²⁾ IX, 294.

³⁾ IV, 293.

⁴⁾ IV, 191.

⁵⁾ Даидка значитъ драконъ рожденный. Члены троицъ часто ставили изъбрать изъ избѣжное время своей жизни образъ дракона възмутъ, чтобы изъ ученія брахманъ, они откладали

(Davidja) съ постороню обущенными избранием, злой, хулиганий, притворяющійся добродѣльникъ, воюю-
безъ силъ¹). — «Всевое благочестивое дѣло, со-
вершенное въ мѣстѣ, достойно Бакшаса (Бак-
чанска). Да не теряется человекъ, свою суровотицъ;
совершивъ жертво приношеніе да не произносить съ-
закъ...; сливай даръ, да не разгласяеть объ этомъ
изъходу»²).

Мораль въ сюжѣтѣ Малы отличается особеннымъ
противъ въспомогательныхъ характерахъ. Дог-
матъ засобственности, расщоетрапечной въ природѣ
жизни, иныхъ государственныхъ узаконѣній и любовь по-
вѣтъ живыхъ существъ. Счастье обещано тому,
кто щадить жизни животныхъ: бранитъ преди-
справъ пользоваться такими средствами пропитанія, ко-
торые не соединяютъ съ вредомъ для одушевленныхъ
существъ³) или которыя причиняютъ имъ можно-
жность съмърти. Эта заботливость доходитъ до того, что
бранитъ изоражено даже раздавливать безъ вскокъ

истории раздѣльные для религиозной, практической и обществен-
ной жизни; отсюда — практикъ раздѣльный.

Бакшасъ.

С. IV, 125.

С. IV, 229.

С. IV, 2.

С. IV, 70.

прочина слабы земли, и срывать травки¹⁾. Тыль бо-
льше склоняется поддерживать право людина.—
«Никогда не должно показывать дурного расположения
духа, если-бо даже мы были обижены; не стараться
зрадить друга, ни даже помышлять об этом; не
должно проникать ни одного слова, которое
могло бы кого избить и второе преградило-
бы дорогу на небо»²⁾).— «Тотъ кто кротокъ, терп-
ливъ, туждъ общества лгать, получить доступъ на
небо за свою любовь къ ближнему»³⁾).— «Кто про-
щаетъ брань богоизбранныхъ людина, почетъ на небѣ..
Кто милитъ филичіи, тогъ подругъ въ адъ»⁴⁾).
Это трогательное и простое расположение ко всему
живущему, получаетъ отблескъ удивительной тѣж-
ести по отношению къ существамъ слабымъ и не-
счастнымъ. Состраданіе къ несчастію и утешеніе,
спасеніе бѣда, гневоновіе слабости—всѣ эти черты этой
морали, тѣмъ болѣе ассилирующія показали, что
эти чувства довольно рѣдко вспыхиваютъ изъ греческой и латинской дрености, но крайней мѣрѣ до
той минуты, когда они подверглись измѣненію и во-

1) II, 161. 2) II, 162. 3) IV, 248. 4) IV, 250.

5) VIII, 319.

забытейшю отъ ветрачъ и соприкосновеніи съ по-
ложими мѣромъ. — «Дѣти, старцы, бѣдные и больны, —
говорить Ману: — должны считаться заслуживающими
«милы»¹⁾. Къ тому же начну склонять отнести
уважею въ женщины, совершенное сходное съ тѣмъ,
которое по объяснению Тицита существовало у гор-
жапцевъ. — «Всѣдѣ гдѣ женщины носятъ таин-
ственъ, такъ божественно удачливое; тѣ преступники
сочиняютъ всѣ благочестивыя дѣла напрасно»²⁾. Трудно
изобрѣть чтобы за Востокъ могла быть выражена
следующая мысль: — «Женщины подъ защитою мужчины
не находятся въ безопасности; только тѣ изъ нихъ изъ
совершенной безопасности, которыхъ охраняютъ себѣ
отъ собственного пожѣланія»³⁾. — «Никогда не должно
наносить женщинѣ ущара, хотя бы даже прѣпомъ»⁴⁾.
Это самозаданіе изъ женщинъ доходитъ даже до
весьма причудливыхъ постановленій нѣсколько выдающи-
хъ уловку: — Рать почему, скажи даѣ: мужчины
должны уважать женщинъ приводящимъ къ имъ
семействамъ и дарить имъ юрады, платья и изысканные

¹⁾ IV, 184.

²⁾ III, 64.

³⁾ IX, 12.

⁴⁾ Знакъ этого привидѣнія другому производителю (Bridest.
II, 209). Напротивъ того, Ману запрещаетъ бить женщину, если
она совершила такое избѣдь преступление.

вушанъ. — «Если женщина не наложена роскошью, она не забудет радости из сердца своего супруга»^{1).}

Разныхъ образовъ, мѣстами въ стѣ Мати встречаются изъ нѣсколькоихъ террактъ, всевѣ и воинственное честство семейнаго начала. Шедевръ мыслей могли бы называть бриллианты и разноцветнія цивилизаций: — «Музыка составляетъ одно лицо съ свою женой»^{2).} — «Въ каждой семье, въ которой мужъ правитъ женѣ, а жена мужу, счастіе упрочено всегда»^{3).} — «Соколь лѣгушки со звончей, исходящей изъ обозоднаго согласія, возникаетъ бракомъ небесной гармоніи (mariage des musiques célestes)⁴⁾. — «Желаю любить и уважать своего мужа, она будетъ тогда почитана на небесахъ, и потерять своего мужа, да не произойдетъ она даже пленѣ другого человека»^{5).} — «Отецъ изображаетъ собою творца вселенной, мать изображаетъ землю». — «Отецъ достойнѣе ста наставниковъ; мать достойнѣе тысячи отцовъ; для того, кто не уважаетъ матеръ, вселеное благочестивое дѣло не имѣть никакаго значенія. Вотъ, изъ чьихъ состоять

¹⁾ III, 59—61.

²⁾ IX, 48.

³⁾ III, 54.

⁴⁾ III, 32.

⁵⁾ V, 185—187—188—189.

главная обязанность, всякая другая является уже второстепенным¹⁾.

Между тѣхъ есть и другія положенія, которые имутъ противорѣчія предыдущимъ, или по крайней мѣрѣ, выталкиваютъ ограничить иль измѣнить. Такъ, напримѣръ, женщина, которыхъ имѣла только что видѣла, должна буда защищать себя сама, по другому закону должна постоянно находиться въ зависимости отъ своихъ покровителей.— «Женщина никогда не должна покидать своего жалованія, даже въ своемъ домѣ»²⁾. — «Женщина никогда не должна вести себя какъ ей хочется»³⁾. Наконецъ, дамы, женщины имѣются причины, иными, какъ только собственностью мужа⁴⁾. Это право собственности выражено при томъ въ самой грубой формѣ. Женщина угодничаетъ полно, а также и урожай принадлежитъ владѣльцу земли⁵⁾. Таковы противорѣчія первоначальнаго законодательства, иль, каторемъ рождающееся чувство человѣческой природы подчиняется парижскимъ нормамъ иѣровъ.

¹⁾ II, 927, 145, 254, 287.

²⁾ I, 47.

³⁾ IX, 3, 2.

⁴⁾ IX, 168, 169.

⁵⁾ IX, 172.

Л. Франкъ из своего любопытного сочиненія «О правѣ на Востокѣ», обращаеть, кажется, уже слишкомъ исключительное вниманіе на стечненійный положенія французъ въ законѣ Миль, тогда какъ противоположнаго, на которую мы указали, оставлено нынѣ въ сторонѣ. Въ указаніи желания оно видѣть ни что другое, какъ только логическое послѣдствіе пантепетической учѣнія; ибо же, напротивъ, полагаютъ, что выражаемая имъ положительность совсѣмъ не тѣль логична, и легко могутъ съхѣбщать въ себѣ два противоположныхъ стремленій¹). Одно изъ нихъ,—истиннѣе пробуждающагося человѣка любви, который часто бываетъ тѣмъ утонченѣе, чѣмъ онъ непринужденѣе; другое стремленіе—ни чѣмъ иное, какъ естественное послѣдствіе грубыхъ пра-въ варварства. Даже и въ нашихъ обществахъ часто случается видѣть въ людяхъ нашихъ взаимное проявленіе изъсказанныхъ чувствъ съ присущей самой возможительной грубостью.

Впрочемъ, несмотря на трогательныя и иногда величественные черты, которыя ~~занесли въ~~ окружавшаго ~~погибшаго~~ Рима.

1) Складаємо відповідь, що ми відповідаємо з пропозицією підбірки відповіді, а зовсім відповідь, що писали Мику.

ется въ сюда Ману, слѣдуетъ все-таки признать, что это—смѣшъ въ своемъ истоинѣ глубоко испорченъ единъ ученикъ, хотя и не исключительно свойственнымъ Индіи, во-на-которое она изложила быть-бы свою ненаглядную печать. Я хочу сказать о теоріи разделенія на касты.

Веадъ, во вскомъ обществѣ, во всякомъ государства существовало между людьми неравенство. Веадъ изъ естественныхъ неравенствъ превалили еще искусственные. Веадъ сильные притесняли слабыхъ. Патриархіи и имѣбен, благородные и простые, богатые и бѣдные, господи и рабы—во всѣхъ этихъ различныхъ сорахъ веадъ превалилось это неравенство; но можно сказать что никогда неравенство не имѣло такого строгаго, рѣзкаго и систематического характера, какъ въ Индіи. Нигдѣ люди не были отдалены одинъ отъ другого такимъ замкнутыми группами, такими узкотемпличными и притѣснительными неравенствами. Однимъ словомъ, веадъ существовали сословіа, только въ Индіи и Египтѣ, но главнымъ образомъ въ Индіи,—такъ называемыи касты. Въ законодательствѣ Ману установление кастъ предается божественное произажденіе. Источникъ этого происхождения — Брахма, искъ общий творецъ; каждая изъ этихъ кастъ произведена искъ различныхъ частей

своего тела. Первый классъ, классъ ирредентъ или бракониеръ, производъ Брина изъ своихъ усть; второй — классъ воиновъ или шатеріевъ — изъ руки; третій классъ, — коннадѣльцъ и купцы — изъ бедра; послѣдній, — классъ шудры или рабочъ — изъ ноги. Можетъ быть Платонъ, представилъ пять изъ своей «Республики» четыре сословія, исходя изъ виду этого мира, именно, — когда онъ говорилъ о состоящихъ республике, будто бы состоявшихъ изъ четырехъ различинныхъ металловъ: золота, серебра, бронзы и мѣди. Неравенство есть неизбѣжно не только политической характеру, но даже нравственному; каждый классъ имѣетъ свои особы обманности. Въ этомъ отношеніи текстъ совершенно искаженъ. Естественные обязанности бракониера — миръ, укрѣпленіе, усердіе, честорѣчъ, терпѣніе, справедливость, мудрость, наука и богословіе. Естественные обязанности шатерія: храбрость, смѣлость, отвага, неустрашимость изъ бою, великодушіе и добрал нравственность. Естественные обязанности вайса заключаются въ обработкѣ земли, уходѣ за скотомъ и изъ торговли. Естественная обязанность шудры состоять въ работѣ¹). И такъ, по-этому учению, не только бояре,

¹) Ил., сх. №№ 59—60 въ П. 30.

власть и уважение, но даже и добродетели распространены между людьми неравно. Добродетель—есть привилегия; самые восхитительные из них принадлежат брахманам, самые блестящие—иных; что же касается последних классов, то они, собственно говоря, не обладают добродетелями, а только обладают внешностями: или обрабатывать можно и ходить за святыми, или промышлять—такова удача третьего класса. Их привилегия одна: в борьбе воинственных общинности—благородительность, право пользования жертвой, чтение священных книг—вот что им предписано. Вероятно, это потому только, что здесь имеется подтверждение жрецов, единственных блестящих жертвоприношений и священных книг. Что касается класса буддистов, низведенного на последнюю ступень ужасаю, то он не имеет никакой другой обзваниости кроме только служения предшествующим классам.

Каким образом проявляется система власти? Некоторые находили возможным отнести это установление из лежачему из основы индийской религии пантенестическому учению¹⁾. Мы же будем разделять подобное мнение. Каждая может быть связь

¹⁾ Ах. Фоки: «О правах у землемерах индийцах», стр. 15.

между начальством единства субстанции и движением общества на замкнутые и абсолютно разделенные классы? Подобные последствия не исключают логичности или единства происхождения, впротив. того, ималось бы странно, что между единством оживляющей всю природу жизни и пульсом совершающего и неизправимого неразделения между людьми, существует противоречие. Мудрому предисловию дружелюбие во всемъ значить существовать, и въ тоже время движение людей на классы, подчиняющие один другому, изъ которыхъ послѣдней единицей на себѣ таинство всѣхъ наполняющихся обманностей. По этой зѣрнности, устапоменность не исключаетъ иль философскаго учения; оно должно иметь историческое происхождение и представлять родъ пасынка послѣдовательно совершившихъ одинъ изъ другого побѣду. Такова, по крайней мѣрѣ представляемая извѣсторами критиками гипотеза, и которую можно считать боязъ всего извѣстного.

Ученіе о частяхъ приводить наль въ политики Индіи. Это—политика жрецовъ, это—сепаратія, и притомъ самая неограниченная такую только можно себѣ когда-нибудь представить. Едва-ли Западъ можетъ понять то крайнее олигархическое гордости и

надыниости, которое Индія выносит и богоизбранный класс браминовъ, хотя и ему было известно много изъ рода梭ократіи. Хотя книга Ману и содержитъ брахманъ побить пленныхъ деревьевъ познаний и находить уничтожение приступъ възь амбровъ¹⁾), но это притворное смиреніе скоро исчезаетъ, чтобы устричь мѣсто самой изглы горести, которую когда-либо имѣла родъ梭ократіи. Рождество брахмана есть спящее событие: это возникненіе справедливости²⁾; оно самодержавный мастеръ всѣхъ существъ; все что находится въ мірѣ, все составляетъ его собственность; оно живеть право на все существующее³⁾). Стольные люди пользуются земными благами только благодаря великодушію брамина. Доказать, брахманъ, будь онъ учень или неучъ, есть несущее чистое божество⁴⁾.

По изволѣ браминовъ, преданный злу и деградѣнию, не могъ бы самостоятельно защищать такихъ свидѣтелейшихъ преимуществъ; гдѣ и梭ократіи, какъ это всегда бываетъ, для защиты своей занимается оружіе у воиновъ. Съдовательно, об-

¹⁾ I, 99.

²⁾ I, 100, 101.

³⁾ IX, 317.

цественный порядок лежит въ соединеніи жрецескаго класса съ классомъ воиновъ, которые могутъ преодолѣть и разниться одинъ безъ другаго. Но браминъ, признавъ во всемъ замѣту кшатрия или воина, весьма сильно осторожеется привлечь его себѣ равныхъ. Отношенія между этими двумя классами заключаются въ слѣдующемъ: «Браминъ несомнѣнъ есть роду и кшатрий слѣдуетъ, считается—одинъ отецъ, другой сыномъ, чѣмъ ниже браминъ—есть отецъ и изъ него должно падать символическое уваженіе»¹⁾.

Впрочемъ, несмотря на то, что брамины составляютъ господствующій классъ, фундаментъ государства въ Индіи не бюрократический, но монархический. Говоря о царяхъ, индійцы выражаются такимъ-же наивѣроятнымъ образомъ какими говорятъ о жрецахъ. Очевидно, что на Востокѣ возникло ученіе, которое въ большѣ или менѣе смигченномъ видѣ, считало царей представителями и телесами божества, говорить о нихъ: «ихъ боги!»—Въ Индіи, где нечего чудовищного, было-бы весьма недостаточно представить царя какъ шакалиника, какъ исполнителя Божіей воли, которому предоставлены широкія полномочія; необходимо, чтобы царь также былъ самимъ Богомъ:

¹⁾ II, 182.

Миръ не имѣа царей бывъ обуянъ страхомъ, и съ паню соправеніи всѣхъ живыхъ существъ, творецъ создалъ цара, именъ для этого ибчина честна ить субстанціи богою: Индра, Амра, Яма, Сурія, Агни, Варуна, Гандра и Кумера; и вѣтъ, почему царь, какъ супротивъ созданію ить сущности творившихъ богою, превосходить блескомъ остальныхъ смертныхъ. Подобно солнцу, онъ пылѣтъ глаза и сердца, такъ что никто изъ землѣ не можетъ смотрѣть ему прямо въ лицѣ. Онь огонь, вѣтеръ, предшествующій лунѣ геній, царь справедливости, богъ богатства, богъ воды, и власть его очаровываетъ въесь небесная твердь. Но должны превратиться отыскаться о монархѣ, хотя бы даже онъ былъ ребенкомъ и говорить о немъ: «вѣдь—это простой смертный» потому что это величное божество изъ образа человѣческому¹⁾.

Трудно себѣ представить болѣе блестительную иконокрасу царскаго достоинства. Но если взглянуть пристальнѣе, то оказывается, что власть царя должна не такъ обширна, какъ можно было бы ожидалъ отъ такого величественнаго прохожденія. Во первыхъ, главная обязанность цара состоять въ возданіи

поместий браминамъ. Такъ онъ обязанъ следить за тою, чтобы имъ свое почетие възьмъ только доставлять сиа¹⁾), долженъ сообщать имъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ²⁾), доставлять имъ всевозможныхъ трудностей и обиды, и давать часть со всѣхъ привошенній³⁾). Если онъ находить сокровища, то полновѣка его приваджанія браминамъ; если браминъ находится въ кладѣ, то онъ оставляетъ его себѣ весь⁴⁾). Никогда собственность брамина не должна поступить изъ царя⁵⁾); но за исключениемъ наслѣдства у него разбѣгнуть лишь прочая часть, наслѣдство поступающее въ браминамъ. Завещанія Ману записаны съ очевидной цѣлью доставлять браминамъ всевозможную бескѣства, хотя прерѣзю къ нимъ они должны считать прѣятельство въброяхъ. Имущество браминовъ гашеніемъ; царь же долженъ никогда ихъ изъымать; даже будучи въ величайшей нуждѣ, онъ не долженъ брать имущество у брамина⁶⁾). Запрещены эти сопротивляемые самими страшными угрозами.

¹⁾ VII, 873.

²⁾ II, 128.

³⁾ II, 129.

⁴⁾ VIII, 37, 18.

⁵⁾ IX, 129.

⁶⁾ VII, 129.

• Какой князь омылся и неожиданно благословенъ, привезъ тѣль, которые въ съсѣтъ гибѣ и могли бы образовать другой віръ въ другіхъ странахъ міра, а также изъ состоянія превратить боясь въ смертніхъ? ¹⁾ Таково царское достоинство у индуиста; окруженнѣе религіознаго призывають, что праіе освобождѣнія духа народнаго, оно нечестивое, какъ орудіе христіанскаго класса, который присвоиваетъ себѣ только истинную вѣру, но крайне чѣрнѣя хлопоты и трудную сторону упражненія. Наша избѣжная роль, которую въ этой общественной организаціи играетъ классъ низшій; они служатъ руками жрецовъ и имъ принадлежитъ юстиція общества ²⁾. Что же является двумъ восточныхъ классамъ, то они являются основой свободы и великаго піанія. Царь долженъ прикасаться къ исполнить свои обязанности, потому что, еслибы они хоть на минуту уклонились отъ этихъ обязанностей, то были-бы имъ разрушение міра.. Такъ напримѣръ, никогда не должна приходить зайскъ въ голову подобной мысли:—«Не хочу ходить за скотомъ!» ³⁾. Шудра же

¹⁾ IX, 818.

²⁾ I, 327. «Весь родъ чиновничий творецъ отдалъ послѣ изгнанія Брамы и кшатрия».

³⁾ II, 329.

со своей стороны обмануть съѣло запомнилъ бра-
минъ, который можетъ пресловать пріищество своего
раба, не отрѣшишь со стороны царя наказанія: толь-
коъ рабъ не избѣгть казниющей себестоимости, гдѣ у него
нѣтъ ничего такого чѣмъ бы покорить его и не могъ
закладить¹). Даже освобожденныи рабъ находитъ
еще въ состояніи работы; вслѣдствіе того, что со-
стояніе это ему привычно, то изъ-за бу силь-
ногъ отъ него избавитъ²?)

Понятно, что въ имперіальной системѣ, осно-
ванной на деспотизѣ и работе на всѣхъ ступен-
иахъ, не можетъ быть другого способа дѣйствія
кромѣ наказанія. Оно служитъ ограничительнымъ за-
членомъ подобного общества, и въ потому оно
преслѣдовано и проксеною нарицай съ Богомъ.
Позолоченъ себѣ пурпуръ этотъ юный дикий зе-
мельній гонецъ изъ походу наказанія.

Чтобы помочь царю изъ исполненія его обязан-
ностей, творить премъицѣ отъ начальника генер-
алитета, поверителя всѣхъ существъ, исполнителемъ
правосудія, своего собственнаго сына, существо-
вагораго въсѣхъ божественно. Страхъ наказанія позво-

¹ VIII, 417.

² II, 418.

деть въимъ существовать, какъ одушевленными, такъ и неодушевленными, можноется тѣль что составляется изъ собственность и что не препятствуетъ пользоваться отъ исполненія своихъ обязанностей. Наказаніе есть могучій властелинъ, оно — искусственный правитель, мудрый пригнитель законовъ; иль чѣмъ — лучшее ручательство изъ изволенія четырехъ настѣнъ сконъ обязанностей. Наказаніе управляетъ человѣческими родомъ и покрываетъ ску; оно бодрствуетъ въ то время когда все спятъ; наказаніе есть сама справедливость, говорятъ курдесы. Наказаніе съ оскорбительностью и вътати, оно доставляетъ людямъ счастіе, но привлекаетъ несчастье, совершившо его спровоцируетъ. Если-бы царь не наказывалъ немедленно людей заслуживающихъ наказанія, тогда сильнейшіе жаринъ-бы слабѣшили на вертоль какъ рабу; корова искала-бы лѣба для жертвооприимчія; собака лизала-бы очищенное мясо — не существовало-бы болѣе права собственности; человѣкъ низкаго класса занималъ-бы често высшаго класса. Расставаніе распространялось-бы на всѣ классы, всѣ преграды были-бы позвергнуты; миръ пришелъ бы изъ смытанія, если-бы наказаніе не исполнило своей обязанности. Поэтому, гдѣ, грозный герой наказанія, съ отвѣтами громкихъ,

назадъ потребовать порока и преступлений, таъль людѣ нечувствуютъ никакого страха, если только тѣтъ, кто опредѣляется наименіемъ одаренъ разсудительностью¹⁾). Такимъ образомъ, браминъ, представившися намъ спочти ученикомъ любви къ которой, и въ самомъ дѣлѣ выражавшися въ самыхъ трехъ-тысячныхъ выраженияхъ, гранитъ съ ужасѣйшимъ лѣстницамъ. Высокомѣріе обогрѣваетъ, носы ханжеское порабощеніе погоняетъ классовъ, а подъ обществомъ, носящимъ заще въ нимъ иль лицѣ кроваваго божества наложніе, — вѣтъ браминъ, эта странная религія, и, которой самое скажное существо соединяется съ самой уточненною метафизикою, страшнѣйшая угрозы, — гдѣ приспѣшии твердящихъ о состраданіи и сурокъ жестокосердіе — съ изумительной чувствительностью.

Буддизм — дальнейшее развитие этого чисто буддийского и брахмана, уже находившегося в брахманах — Против добродетелей, пытавшихся, врагов, болезней, забывания и смерти — Техническое развитие — Борьба против частичного учения о сущности и против ее отрицания.

Рассмотрим теперь таким образом въ одной концепции буддийской секты, сдѣлавшей изъ свою сущность высокую сектой, удивительно разниться начала чисто буддийскій и брахманскій, которые изъ брахманъ находились уже изъ брахманъ, и мало-по-малу подняли за собою гадкую насть и бесчестіе.

Такова роль буддизма, этой отрывавшейся отъ брахманскихъ языковъ и далеко превосходящей его по нравственному чистоту¹⁾.

¹⁾ Благодаря изобретеннымъ изобретениямъ Есуса Буддера, (представляю изъ истории индийского буддизма. Парижа, 1884) теперь стало ясно, что буддизмъ явился родоначальникомъ брахмана, что это

Тогда-назъ изъ брахманскій оспасаніиъ деснагоъ явится первенство классовъ, буддизмъ, напротивъ основывается на началь разенства людей и небыть, если не предстоитъ любезности, то, же крайней мѣрѣ результатомъ,—умноженіе насть и феодоратіи.

Бирюзинъ, изъ сіауетъ поддержалъся отъ преувеличений. Евгений Бернауфъ справедливо напомнилъ, что Шакамунда, основатель буддійской религіи, не имѣлъ пограничія исходить изъ поиска честной учрежденіи земли¹⁾.

У Будды никогда не было другої цѣли, кроме общественного улучшения человечества. Въ древнійшихъ легендахъ, и въ позднійшихъ буддійскихъ книгахъ, въ которыхъ находится первое изрѣчение Шакамунди, не встречается ни одного изрѣчения противъ существованія настъ; напротивъ того, оно какъ будто считаетъ ихъ установленіемъ фактическаго, которого она вовсе и не думаетъ избывать; но не провоцируя общественного разенства, она провозглашаетъ его начало — разенство религіонное.

приводить эти брахманы, какъ противостоящая религія — это изъ таинственной, что съ вами изъ Иудеи и первоначально распространялась на еврейскомъ языке.

¹⁾ Бернауфъ, стр. 210—212.

По учению брахманов, путь, благочестие, счастье, предписывались из некоторой степени одному брахману: прочие классы были приведены исполнять только заштатные обязанности, дурошую же пропитку они получали от брахманов. Напротив этого, Шактизум призывает людей въесь классы пользоваться духовной жизнью. Брахманы, бѣдныхъ и не ученыхъ, земледѣльцевъ, чиновъ, рабовъ, рабы призываютъ сѧ сдѣлаться буддами, т. е. учеными и пользоваться благородствомъ, субстанции каждому въ награду за благотворную жизнь. Философы Капила (Каріла) и Пантаджали (Панджали) уже привились за это дѣло, начиная изъ предисловия Ведъ, сказавъ, какъ на безпомощнаго и ставъ на ихъ мѣсто набожнаго управлениѣ сурогой жизни. Капила, если не то дѣлъ то все-таки же принципу, сдѣлалъ для каждого доступныиѣ тихъ аспекта, которое до тѣхъ поръ было дополнительно и почти исключительное преимуществою жизни брахмана. Шакти сдѣлала еще больше, она струмѣла организовать изъ отдѣльныхъ философъ религиозное общество. Ось призывать всѣхъ людей изъ разницту духовной жизни, сдѣлывающими прекрасными словами:— «Мой законъ испрещенія; но что это газаветъ? Это толькъ законъ, по которому преображеніе ищіе становится

благочестинами¹). Хотя эти принципы, и не были направлены венгерственно противъ системы касты, но все-таки значительно ее затронули. Съ одной стороны это значило прививать между различными классами, некоторые, по крайней мѣрѣ духовнородство, и даже относиться къ наименьшимъ съ другой стороны благословенности, таинствахъ одной буддийской легенды, какой-то, якобыъ существо благочестивое боязъ творитъ!— Я хочу сдѣлаться благочестивымъ и исполнить спасительное учение, по трудно посвятить себя религиозной жизни тому, кто происходит изъ благородного и чистаго рода; легко же запретить тому, кто бѣднаго и простаго происхождения.²) Съ другой стороны эти начали разрушили браминскую касту, потому что религію и благочестіе постигали не премиумуществомъ происхождения, по прошьи добродѣтели, знанія и заслуги.

¹) Бирарфъ, стр. 209, оживляетъ этиъ словаъ въ послѣдній бѣдствіи бѣдства паденія прасти, который будучи въ сказкѣ Цайхана, на языкъ прозыки бѣдствія, отбываетъ: „Раждіе должно быть доступнымъ для всѣхъ благородныхъ.”

²) Бирарфъ, стр. 197. Даже походъ сказки идетъ черезъ прасть. Тамъ же сказъ, напоминающій: „Мудрецъ и блудникъ”, иже находитъ разорваннаго ягнѧ, которому воскрешаютъ себя благочестивой жизни, воскликнувъ: „Вѣдь и я могу съ подобной головой ходить по блудной дорогѣ!”

состоюше крецовъ уже не было пасхденеп-
нныи и аристократическии, оно стало состоящимъ
безбратьиши, слагавшимися изъ всѣхъ классовъ об-
щества. Итакъ мы видимъ, что первыи и древніи
изъ изображенія буддизма направлени прежде всего
противъ насты браминовъ. Оно иль древніи же
тогда говорятъ:— «Браминъ уже не отличается отъ
человѣка другой насты, тѣка, иль насты отличаются
отъ золота или сѣть отъ ирода. И эхъ самогъ-дѣлъ,
быть же произошелъ ли изъ єфира, ли изъ ѹтра; для
своего появленія изъ сѣти, есть же разница землю
подобно стю изъ дерева Агапи (Агави). Браминъ
каль и чандамъ различае отъ монголии¹). Почему-же
одинъ долженъ быть благородиимъ, а другой же
благородиимъ? Да и браминъ по смерти его, остав-
ляютъ наизъ прорѣзанку и вечную вещь; съ ними
и отъ этого отъношенія происходитъ тоже, что и съ
дѣльми другиа насты: гдѣ-же спрашивается, раз-
личіе? — Тоже чистое равенство просматривается и
изъ речи, произнесенной величайшимъ буддийскимъ
паремъ Ашокомъ, который былъ для буддизма изъ сво-
его рода Константиномъ Великимъ. Онь говоритъ:
«Ты обращешь внимание на изначеніе насты изъ сви-

¹) Matrice de брами у Бози.

щенныхъ князейъ Шака и ее замечательнъе добродѣтели, о которыхъ тамъ говорится: вотъ почему, возгордившись своимъ происхожденіемъ, ты въ заблужденіи своемъ забываешьъ и себя и другихъ. Если честолюбіе высокаго происхожденія сдѣлается порочнѣмъ, то спѣть его осудить; почему же добродѣтели честолюбка простаго происхожденія не блеснутъ предметомъ уваженія? — Мудръ тотъ, кто не различаетъ тѣла книжъ отъ тѣла раба. Одни только природа и и укашенія даютъ тому едого человѣка превосходство надъ тѣмъ другаго. Но сущность состоять въ томъ, что члены находятся въ превращеніи тѣлъ пурпуропоставленнаго человѣка, а это-то и должны разбирать мудрецы¹⁾.

Бесследствіе буддистъ систематически выразится противъ установления честь, и до нась дошло одно драгоценное соченіе волемическаго характера, а

1) Боркуфъ, стр. 272. — Приведемъ еще одну песнь выстроеннаго: — «Оннанди Аланда, слуга Шака-херти, встрѣтился младшюю дѣвичку ие племени Чхада, которая червилъ ему. Она изверглась у ней выхлѣстъся. Найдяши дѣвичку, фараонъ спрашиваетъ ею сколько происхожденія, предупрѣдивъ ею, что она превращается въ члены чистаго, и что ей извращено подходитъ за благочестившую человѣку»; — «И я обратилъ тебя, сестра моя, икъ твоей чистотѣ, икъ о чистотѣ превращеніи; а потому у тебя есть, если ты мой женить дать есъ». Найдющей дѣвички такъ извражился Аланда, что она бесследствіе обратила въ свою ревностную буддистку.

именно Ваджшучи (*Vadžṣučhi*¹), неизвестно когда написанное благочестивым буддистом Ашвагохой (*Aśvaghoṣha*) противъ учрежденія хасты. Возраженія Ашвагоха двоякаго рода. Одни замечаютъ лишь текстовъ, особенно членъ санскрита браминовъ; другіе основываются на начальѣ естественнаго разноста всѣхъ людей. Ссылаясь на Веду, Ману и Магабхарату, авторъ доказываетъ, что достоинство брамина же присуще ни живущему въ эпохѣ пурпурѣ, ни тѣму, скучающему избѣгавшему этому началу, и что оно не зависитъ ни отъ происхожденія, ни отъ знати, ни отъ благочестивыхъ подвиговъ, ни отъ мыслей о праскнынныхъ обязанностяхъ, ни отъ знания Ведъ. А тѣмъ, кай, что достоинство не проаждено, а также не можетъ быть приобрѣтено, то оно и не существуетъ или, лучше сказать, лиги могутъ обладать всѣ, потому что, по мнѣнію автора, склонъ брамина есть составное испороченіе, наимѣющее отталкивающую блаженку жажду. Ось признаетъ немѣстъ законъ, отказывающій глупцѣ изъ практики посвятить себѣ благочестивой жизни,

¹) Напечатано въ первомъ томѣ Ваджшучи и Гадевагохы (*Wilden et: Gedevah*), съ присовѣтованіемъ защиты кандидата браминской 1829 г.

подъ тѣмъ предполагать, что его религія заключается въ служении браминамъ. Напротивъ, весь философіе лежащій автора направленъ противъ икса представляемое послѣдовательное происхождение всѣхъ изъ четырехъ частей тѣла Брамы, афъ головы, устъ, бедра и ногъ. «Кудумбара (Кладиная) и Панира (Ришага) (изъянія деревьевъ), говорить онъ:—дають плоды, изъ которыхъ производятся яблоки, стаки, сочнѣйшія и корни, а между тѣхъ плодовъ эти не отличаются одинъ отъ другого, такъ что нельзя сказать, что наприхѣръ это плодъ браминка, тѣлъ—китайца, отъ—тайца, а тогъ—шудри, потому что всѣ они съ одного дерева. Поэтому-то должны быть не четыре камаса, а только одинъ»¹⁾.

Мы видимъ также образмы, что Востокъ, въ силу своего внутрен资料 и совершенно самопроизвѣдленного труда, самъ себѣ привнесъ на принципъ равенства людей, по крайней мѣрѣ равенства духовнаго. Уже глядѣтъ одного учрежденія безбрѣзкаго духовенства, какъ браминъ былъ лишь лишь послѣдствиемъ право, спасеніе становилось доступнымъ для всѣхъ и каждаго, потому-что сословія зерцомъ не могли поддерживаться въ силу чисты-

¹⁾ Версия, стр. 218.

сторонаго права. Всѧ почму на Востокѣ безбрѣдно открылоъ юбагъ доступъ въ спасеніческому закону, тогда-какъ на Западѣ, оно напротивъ того, было сильнейшимъ оружиемъ церкви, для совершилнаго отѣсанія еи отъ свѣтскаго общества и образованія независимаго общества, стоящаго въ всѣхъ гра-ницахъ и законахъ. Конечно, уничтожалъ классъ зре-цовъ, буддизмъ не уничтожилъ другихъ классовъ, но уже весьма болѣе значительное иѣло разрушеніе аго-кратіи, доставленіе религіозной свободы общимъ и угнетеніи. Но буддизмъ превзошелъ брахманизмъ не однѣль только принципомъ религіознаго разицства; этому способствовало еще удивительное разицство началь члѣвіка любви, братства, которыми, какъ мы уже видѣли, существовали дѣль-би въ зародыши и въ законахъ Ману, но были таинъ совершенно подавлены и изгнаны вѣсть. Подобно тому, какъ христіанство преобразовало Мозаика законъ, от-бросивъ изъ него все, что было наѣбно древнею грубостю и разникою лучшѣе элементы этого ученія, таинъ точно и буддизмъ, разижаетъ, очищаетъ, обиз-гораживаетъ, и смягчаетъ король брахманизма. По-добно христіанской религіи, буддизмъ есть ученіе утѣшительное.— Тотъ кто ищетъ убѣждица у Будды, тотъ находитъ лучшее пристанище, лучшее убѣжи-

щё; а достичь его съ тойчайшою свободою отъ всякихъ начальствъ¹⁾). Вообще буддизмъ есть учение о смиреніи въ самое точное значение этого слова, какъ можно видѣть между прочими изъ слѣдующихъ санкѣтскаго Будди:— Благите, о, благотворительные, сарпамъ своихъ добрыя дѣла и обнуряющіе грѣхи своихъ²⁾). Варочемъ этого рода нравственныя правила встрѣчаются же у одного Будди, но и у шѣхоторыхъ другихъ мистическихъ моралистовъ. Возвращаемъ же буддизму же мысль, что съ прохождениемъ цѣломудріе, любовь къ ближнему, благотворіе, прощеніе обидъ, путь доказывать это большое число лекцийъ, изъ которыхъ мы изберемъ шѣхоторыя, столько-же поэтическія, сколько и красноречивыя.

Ноъ напримѣръ романъ, изъ которыхъ духъ простоты къ любви къ ближнему достичаютъ самого высокаго и чистаго выраженія. Одинъ куница, по имени Шурка приходитъ поклоняться съ Багишамъ (Владаты) т. е. Буддѣ, на счетъ подадки, которую онъ собирается предпринять чрезъ страну изъмленную грубиши и дикими людьми.— Это, горо-

¹⁾ Вароча, стр. 132.

²⁾ Т. стр. 133.

рить богъ;—люди виноваты, злые, свирепые, сердитые, дерзкие. Если они обратятся къ тебѣ съ дерзкими, грубыми словами, если они разсвирепятъ на тебѣ, то чѣмъ ты обѣ этомъ подумашъ?— Если они обратятся ко мнѣ съ злыми, дерзкими и грубыми словами, я подумаю тогда чѣмъ, пиротио, добрые люди, обращающіеся ко мнѣ съ такими словами, но не болѣе чѣмъ на руки, чѣмъ виноватъ. А если они прибѣгнутъ тебѣ руки и виноватъ, чѣмъ подумашъ ты?— Я подумаю, чѣмъ это добрые, пропѣ, люди которые бояться чѣмъ руки и виноватъ, но не напосятъ мнѣ удара или палкой, чѣмъ виноватъ.— Но если они подестутъ тебѣ удара палкой или же чѣмъ, чѣмъ ты тогда подумашъ?— Чѣмъ они люди добрые и пропѣ, которые наносятъ мнѣ удары палкой и виноватъ, но не лишаютъ меня жизни.— А если-бы они лишили тебѣ жизни, чѣмъ ты подумашъ обѣ тоже?— Чѣмъ они люди добрые и пропѣ, которые освобождаютъ меня съ такою значительной болѣю отъ этого грѣшнаго тѣла.— Хорошо, хорошо, Шура, говорилъ Батюшка—ты можешь жить въ странѣ этихъ караокъ. Ступай, Шура, освобожденный,—освобождай; когда придешь на другой берегъ, то скажи, чтобы пропали въ другое; утишенній,—утѣшай; достиг-

нужь позата Норвака¹⁾ съдѣстуй изъ этомъ и другаго²⁾.

Цѣломудріе, благочестіе, любовь къ ближнему и къ какихъ другихъ религіяхъ не вѣхаютъ лучшихъ правильнѣй образцѣвъ, какъ паганка изъ двухъ сбывающихся легендахъ. Одна изъ легенды своей трагичной, куртизанка именемъ Вандатта (*Vasadatta*) выходитъ изъ кунеческаго сына, благочестиваго и цѣломудренаго юродиваго чалбака. Она прославляетъ изъ нему свою служанку, предлагая ею прійти къ ней. «Сестра моя», вслѣдъ спросилъ ей молодой чалбакъ: — у меня ить времена видѣть тебя. — Между тѣмъ куртизанка совершаєтъ какое-то преступленіе и по приказанию цара ее страшно обезобразливаютъ. Она становится страшною и физиономію на видъ и всѣдѣствіе этого будущи покинута всѣми, поселяется жить на кладбище. Тогда-то и приходитъ минута, которую собираетъ молодой кунецъ, чтобы посѣтить ее: — Она лишилась своей гордости, любви и радости, пора ее увидѣть. Онь отправляется на кладбище. Несчастная, увидѣвъ его, говоритъ: — Сынъ моего господина, когда твою же было вѣжно искать

¹⁾ Благочестие.

Норвакъ.

²⁾ Норвакъ, стр. 252.

престолъ лотуса, когда оно было уврежено дорогими
уборами и нарядами, и была такъ несчастлива, что
не видѣла тебя. Зачѣмъ же пришелъ ты теперь
смотретьъ на тѣло забризгившее кровью и грязью? —
— Сестра мои, отыѣть ей молодой человѣкъ; — я
не пришелъ къ тебѣ прежде потому, что не желалъ
пользоваться удовольствіемъ любви, и глядя теперь
чтобы узнать истинную сущность малаго пред-
жеста изгажденія человѣка. — Затѣмъ остыть утѣшать
её пытавшись отъ изгоя; рѣчь его успокоила
душу несчастной женихи. Она умерла упиро-
ваться въ Будду, чтобы вскорѣ воскреснуть среди бе-
говъ¹). — Какъ же трогательна эта легенда, во мнѣ
этотъ отношеніи она угущаетъ легенду о Кунѣлѣ
(Кипарѣ), сынѣ цара Ашока, которая, казова-бы ни
была за историческуюѣкость, полна неподражаемой
красоты. Мачеха Кунѣлы, подобно куртизанѣ изъ
предыдущей легенды, влюблается въ молодого князя,
своего пасынка, и эта индіанская Федра выражаетъ
свою страсть въ самыхъ пылкихъ выраженіяхъ
до какихъ изустали тревожиться ни Эвропидъ ни
Расинъ: — При видѣ твоего прелестнѣаго изора,
твоего прекраснаго тѣла и твоихъ восхитительныхъ

¹) См. Барометъ Сент-Жоръ „Будда“ — глава V. Переводъ

глазь, и пламеню подобно высокшему стеблю соломы покрасневшую лъсницею пожараю. Купала, точно другой Ипполитъ, отъчаетъ ей съдущими, прекрасными и исполненными благородства словами:— «Не говори таинъ передъ сыномъ, потому что гдѣ михъ все равно что мать, откажись отъ приступной страсти; эта любовь можетъ послужить тебѣ дорогю въ адъ». Такъ-какъ нечастная, откажись отъ своей страсти, докучала ему, юношей крестъ «съзывай»:— «Мать моя, лучше умереть сокрушилъ цѣломудре; михъ остается только,— изъ жизни, которая быва-бы для людей добрая, сдѣлать предметъ ненужнаго». Между тѣмъ парижъ получастъ отъ своего мужа позволеніе пользоваться царевою властю народопленіи подданныхъ. Въ силу этого права она приговариваетъ здѣмъ Купала къ селѣнѣнію. Даже плачи откажися исполнить такое парижское приказа-ніе, воскликнувъ:— «Мы не изъ сидѣть сдѣлать этого!» — Кинуть же, поняла что онъ осужденъ на эту казнь отцомъ, просить плачей поклониться и одарить ихъ, говоритъ:— «Исполните заму обязан-ность, ради этихъ подданныхъ». — Но они не-таки откажися обѣщать, еже и исполненіе этой ме-стности привиняетъ на себя посторонній, случайно подвергнутый плачъ. Сначала былъ парижъ

один глаз; жаждь привлекаешь подать ему этот глаз и береги его из руку.—«Почему ты», говорить она обращалась из глазу:—уже не различаешь пред-
метов, как ты их только что различала сейчас, грубый мясистый пар? Кажды отливаются безумие, которые призываются к тебе, говори: «Это я!»—
Когда были выражены оба глаза, Буцала восхищалась:—«Меня писали тѣлесных глаъ, но я при-
обрѣхъ вместе съ ними два совершенные глаза мудро-
сти. Если я лишаюсь верхнаго кончика, за то
достичь верхней части глазопа!» Всѣль затѣбъ она
увидѣть, что же отвѣтъ его, а сама винила подвергла
его испытанію, и то-честно простить ее:—«Да се-
хранитъ на долгое счастье, жизнь и могущество ца-
рица, доставшия мѣтъ такое величие преимуще-
ством!»—Молодая жена ипаки, упакъ о перенесен-
номъ иже вукиніи, въ отчаяніи бросилась къ его
ногамъ, ось начать убивать ее, говоря:—«Осуши
слезы, не прудиайся печали. Здѣсь на земѣ,
каждый получаетъ награду за свою дѣла». Царь,
ушапъ о гиеногаго злоупотребленіи, которое сдѣляла
жена его изъ доброй ей власти, хотѣлъ про-
длить ее смертной жизни. Буцала винувшись царю
въ ноги умоляла о прощеніи виновной:—Дѣстую
честно и не убивай женщину». Итакъ более вино-

кой награды, чѣмъ та, которая предполагается для мудрости и смиренности. Государи, геройне было прислано Награждение. Я не чувствую никакой боли, и несмотря на этотъ свой поступокъ, въ сердѣ моемъ сохранилось добре чувство къ той, которая призвала оставить жена. О, если бы такие же могли ожидаться такими, какими они были прежде, то знать того, что сюда моя спешка приводитъ! Если успѣхъ сия сказать эти слова, знаю глаза его принесли мой прежний блескъ.

Таково содержаніе этой прекрасной легенды, представляющей чистую картину жѣлѣ добродѣтелей: цѣломудрія, благочестія, покорности судьбы, прерванныхъ въ страданіяхъ, прошептія единъ и во всему этому чистую чистую грацію, которая придаетъ этой легендинѣ особенную прелестъ.

Трудно отыскаться изъ нравственнѣй золотій болѣе, чѣмъ воссияла будущимъ. Но подобно всевозможному религиозному учению, болѣе занятому обычными благами, чѣмъ благами мѣрзкими, будущемъ, сколько мы можемъ судить изъ свидѣтельствъ, почти совсѣмъ оставилъ изъ сторонъ гражданской и практической доблести, на которыхъ заходитъ горизонтъ человѣческихъ обществъ; сюзъ произвелъ сдвигъ, но никогда не поднялъ пренебрѣгаемыи гражданъ. Вообще

Востоку, Индії же въ особности, были чужда идея государства. Чрезвычайный идеализм отдалъ людей отъ политической жизни и отъ обязанностей общежитія. Жизнь рассматривалась какъ то, отъ которого слѣдуетъ какъ можно скорѣе и какъ можно легче избавиться. Отечество и его законы не имѣли никакого значенія. Индійскіе мудрецы во обращаютъ вниманіе на земное житіе вообще, на материальную независимость, на свободу, на общественное благо. На востокѣ Востокѣ повидимому только Езотѣрѣ имѣлъ вѣкоторое понятіе о государственномъ правѣ. Великая идея гражданства принадлежитъ собственно Европѣ, и изъ неї Греціи.

Бібліотека

Збірник

Львівська міська
Бібліотека

■ 8652

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА. ПЕРСОКЪ.

Общий характеръ. — Принципы Форсайта Ориума съ Аризаномъ въ
жизни человѣческой.—Цѣлесустрѣніе и чистосердечіе,—эти качества изъ-
меняются въ труде.—Отсюда частъ.

О морали дремлютъ пересеть ио писать менѣе
чѣмъ о морали дремлютъ индусы. Ихъ същеніемъ
книга — Авеста, или по крайней мѣрѣ, сохранившаяся
часть ея, скорѣе деревенскій уставъ, требовавъ
или желавшійъ, тѣль книга законодательства или
морали. Во всякомъ случаѣ, по этой книгѣ можно ви-
дѣть, что мораль пересеть были болѣе патиной,
нежели умберитскою. Борьба добра и зла, лежа-
щая въ основаніи всѣхъ и представляемая двумя
принципами Ориума и Аризана, находилась также
и въ человѣческой жизни¹).

1) Авеста-Авеста или авеста,—авеста, бага индуиста, приве-
зена изъ Европы въ персидскую имперію, называемую
Бага Имп.

Сияльна посторонка из краткъ, но съдѣтельству однаго изъ учениковъ аѳеистъ критиковъ, основную мысль наудомъ.—Полной истории открытия міра, говорить Шенкель¹⁾—и Авеста ни никогда не найдетъ; частности-же и замыслы даютъ возможность стъ пѣсюризъ доказать смотрѣть на преданія постѣшнѣхъ персовъ, какъ на извѣтное сходное съ древніихъ ученіяхъ. Тамъ мы въходимъ довольно полное изложеніе этихъ преданій изъ первой главы Бунь-Дегенъ (Buny-Dehrsh)²⁾. Изъ этого изображенія видно, что имена Атура-Мазда (Ahura-Mazda, Оромута) и Аро-Маниус (Aro Mainyus, Арамиза) совершенно разны. Они пребываютъ вполнѣ отъзвѣзанными другъ отъ друга: одинъ изъ совершающі-

и отъзованныхъ Авесты, Дхармакаръ (Avestil-Dharmas). Нарисъ, 1791 г. въ толкѣ изъ 4^т. Переводъ перваго изъ, сдѣланъ по старинному перевода, чѣмъ нечестивъ, вслѣдъ за которымъ въ этомъ месте въсю не можетъ быть употребленъ. Ещѣ разъ переведенъ писателемъ членъ Авесты. Суперстрогъ еще позади перваго Авесты изъ «всеславленіи» шестъ Шенкеля (Avesta und die heiligen Schriften der Perser, Leipzig 1888—(3)). На основании изложеннаго въспоминаемъ ли въ земли пахоты изображавшіе сорокъ два изъ нихъ, что бывъ сорокъ пахоты "поголовнѣск".

¹⁾ Шенкель, Avesta und die heiligen Schriften der Perser, III, изд. чл. III, Leipzig 1881.

²⁾ Бунь-Дегенъ искромъ именъ изъ родѣ Борисъ, различавшись поимѣемъ Авесты, погибшемъ у перваго большими тяжелами. Авесты вероятно онъ изъ третьего толка своего сочиненія.

шень съятъ, другой въ глубочайшемъ мракѣ. Подобно тому какъ Оракулъ,—само совершенство, Архангель есть върхъ ала. Тогда какъ Ормузъ обладаетъ всевѣдѣніемъ, предвидѣть все что должно случиться и предполагать свое дѣйствіе въ будущемъ, Архангель, напротивъ того, видеть послѣдователіи своихъ дѣйствій только тогда, когда дѣйствуетъ. Добрый духъ откажется отъ этого шаровиа прошностию. Какъ только Архангель узнаетъ о присутствіи Ормуза, то воспользуется силами гибели противъ того виновства, которое было выше его виновства, искому и вскѣль слушая его уничтожить. Отсюда оказывается борьба, всевѣдѣній которой предвидѣть не трудно, такъ-какъ оба противника обладаютъ разношаровиа, и единъ изъ нихъ еще сверхъ того даромъ предвидѣнія. Это преимущество по прошестіямъ извѣстного числа таинствѣній обеспечиваетъ победу Ормуза. — Подобно звѣзденной и жизни человѣческой есть борьба между Оракуломъ и Архангеломъ, между добрыми и злыми начальами. Последователь Амисспидана (Амисспидана) т. е. добрыхъ духовъ, истреблять Демоновъ (Деми) т. е. злыхъ духовъ, демоновъ,— вотъ въ чёмъ различается главная обзанность человека и главная цель его жизни. Будьте запоротныи какъ Оракулъ, который сама неверотность,

воть весь законъ¹⁾). Для сакшианиты въ этой борьбѣ, членѣть получить помощь Зороастра и должныъ просить помощи Ормуза:—Помѣщите наше оба блага дарованные людемъ Ормузомъ, которыя служатъ нынѣ теперечищимъ средствомъ достиженія блаженства²⁾).—Капь, на истинахъ: они будуть мѣй отраденъ пакъ всаждъ друга!³⁾.

Мы не можемъ здесь въ тщескую философскую систему, во-если мыслятъ, что появляются, есть единица браминизмъ или смерть, искаженъ, то сѣдуетъ признать, что есть эта ауриньольская искра единой и вечной плоды. Чѣмъ болѣе изложится здесь таинственности мистицизма, тѣмъ болѣе — восхищеніе, любви, и результатомъ этого является дѣятельность, борьба, и въ конецъ самыя жизни. Если первоначальный уставъ и чиноположеніе еще весьма запутаны, то таинствѣ харacterъ всѣхъ первоначальныхъ религій; изученъ Зороастръ никогда не принуж-

¹⁾ Шахназ., ч. III. Кордана-Алесса; I. „Reinheit ist das beste Gut.“ Ещевероятно, тутъ изрѣзное было.

²⁾ Шахназ., Пом., II, XXXI, 11. „Lehret die beiden Weltkrieger, welche Masse des Menschen gegeben hat... Nutzen sind sie füR die Erde, durch sie wird (Ihnen) mancher Held gekennzeichnet... Es ist eine Sache nach eisernen Regeln, diese zu erzählen. Шахназ., — Ахста, въ Банди, т. 2. макіе оныхъ въ словѣ пакъ приведено.

³⁾ Шахназ., Пом., III, XLV, 2. „Magst du ersuchen, o Ahura, Freude geweckt, welche ein Freund des Freunden.“

деть жертвой умерщвления практикой обманности. Единственным отражением побожности она признает молитву, но практик молитву обращенную к небесному существу, которое не одно и тоже время и творец, и покровитель и мадам-хранитель творения. Молитва есть средство достижения победы: — Гаура (Наугра) выражаетъ на гораздо, когда ею призываютъ, и потому логъ это призываетъ, надъ всеми сдерживаетъ победу¹⁾.

Жанъ Рейно (Редьярд) говоря въ своемъ строго научномъ сочиненіи, между прочимъ о Зороастри²⁾, высказываетъ предположеніе, что борьба между Ормузомъ и Ахшасомъ кончается не только поражениемъ последнаго, но даже полнѣйшимъ его обращениемъ. Такимъ образомъ, изъ конца концовъ добро поглотило бы зло и какъ-бы преобразило его. Эта замысловатая гипотеза кажется мало правдоподоб-

1) Шакти, Г., к. 84. „Ноугра чистъ чистъ отъ греховъ wird, Gibt ih ein Siegurtheit, wie du profit.“ — Годъ для Гаура, речется, который Наригаръ (З. к. Оп. 46) называетъ Орми, который расстегъ на корахъ и уединяется въ медине. Это въ видимому тоже самое речется, которое известно въ Иаджъ подъ наименованиемъ, въ большинѣ Асчиага асса. Рассказъ это надо обратить внимание и сопоставить, чтобы выяснить способъ превратить Аракшасагута въ Бхагвата.

2) Encyclopédie Bouillet.

но, а также и мало соответствующую грубымъ
ученіемъ реалии въ глубокой драмѣ. Въ ней
можно видѣть разг҃ъ только относительно недавнее
преобразованіе первоначального учения; на симомъ
дѣлѣ тексты не представляютъ толькъ чистого по-
добнаго¹). Шпигель, труда котораго во мнѣчію
переводъ, пользуются измѣненными изложеніемъ,
и въ способѣ перевода, ни въ своемъ практическомъ
изведеніи не упоминаютъ изъ чѣмъ подобнаго. И такъ,
презрѣній финаль измѣненій передней драмы,
ко всевозможъ случаѣ, должна быть оставлена против-
ной въ сторонѣ.

Основное зданіе Зороастра служить чистота
мысли, слова и дѣйствій. — Ты Зороастръ, зорований
намъ въ этому кирѣ засѣяла защита противъ демоновъ
(или въ другомъ); запорочій, парь запорочности, если я
оскорблю тебя мысленно, на словахъ или дѣйствіяхъ,

¹) Ж. Рено проводитъ много текстовъ въ концу своего изданія; и называетъ въ начальѣ оглавленіи предупреждаетъ читателя, что эти тексты, приведенные имъ, просматривались О. Барберономъ, то самъ долженъ бы видѣть некоторые измѣненія. Есъ обратиться къ этимъ побѣжденіямъ, то оказывается что строки эти нечто иное, чѣмъ первоначало Аристотеля, который приводитъ, привычно, изъ второй части Иона, очень кратко, выражая имена отвѣтчиковъ эти строки въ изданіи переведеніи Шпигеля, то оказывается что они выражаютъ иное другое смыслъ. Свѣт. глава обр. Эзра, II, XXX, 3; XXX, 20 и III, XLVII, 3.

вольно или невольно, я скажу посвящею тебе эту гимнъ; да, я прощаю тебе, если согрешилъ передъ тобой, изъ этого посвященія и этой молитвѣ. О мы, всѣ могучіе императоры, венчарные цари неизротности, если я оскорблять вѣсъ на небесахъ, сасахъ или дѣйствіяхъ, вольно или невольно, я скажу посвящею вамъ этотъ гимнъ¹). — Всѣ древніе писатели согласны съ тѣмъ, что древніе первы безспорно отличались скромностью рѣчи, добойко изъ величъ и честности изъ общихъ: — У нихъ, говорить Геродотъ: — запрещено говорить о томъ, что запрещено дѣлать: такого постыдства считается у нихъ дѣло и жить дурной поступокъ, глядяши образою великдѣяния твого, что если не считать другихъ причинъ, то совершилъ преступленіе, всегда бываетъ принужденъ жить, чтобы скрыть его...»

«У первыхъ, говорить Николай Дамскіи: — лѣтъ обучаютъ столько-же изувачъ сколько и от- скромности²). Ше Порфиру³), Платонъ упилъ отъ малости, что откровенностьъ человека угодобляется богами, великдѣяние тогоже, что въ Богѣ чѣло

¹) Верса. Евгений Вертуфъ. Судъ Бесс., т. I, стр. 382. Барнаула 1881. т. I.

²) Ставрос, Арист. в. II, стр. 327 изъ лн. Оксфордъ въ 1822 г.

³) Жизнь Платона.

подобно съту, а душа — встарь. — Кесифонть говорить: — «Цѣлѣ училъ не лгать, не обманывать, не завѣдовать»¹⁾. Эти простейшіи правила имѣли религіозное основаніе, таъ-какъ не исполненъ иль, люди становились тварями Аримана, который во многихъ мѣстахъ книга Зенда называлась обманщикомъ, занѣниемъ и лжедомъ иль лжецомъ.²⁾ Шингесъ въ своихъ основательныхъ изг҃одователъ-снѣщенныхъ книгъ Персіи, приводятъ глаголы-черты: — Бенделаль, говорить сътъ³⁾, — считать шесть видовъ нарушений слова (злопоточна обидца); въ послѣднемъ прокламіи можно прочитать иль до десяти. Ихъ дѣйствительности же собственно говоря, существуютъ только для степей совершеній; одна, болѣе прими (менѣ сажас) къ другимъ, болѣе высока (болѣе тажас). Первая степень состоять въ простомъ

¹⁾ Кесифонть Суръ, глава I, гл. 4 ст. 21.

²⁾ 4,50.

³⁾ Шингесъ, Авеста въ П., глава II, гл. III, стр. 53, за дополнительство сего разрѣзаніи приводятъ здѣсь такъ: *Sadden-Porta, LKVII. „Principium est ut mendacium non sit, ne hoc ipso fias in hoc mundo Infans. Nam, quarevis a mendacio tuo procederet tui rectus, nihilominus tamen vita et dignitas tua justam resisteret. Omne resecatum superat mendacium. Zorathraht (Зороастру) intercepit ab eo qui oscula fecit, mendacem quendam te habebunt. Cui tales treacherum dedit Dux. Obi tamen est trius uero splendidius, tandem rectus ad gloriam tuam: nam & Diabala est.“*

нарушением данного слова; второе же — из нарушения слова, данного и ширешипного символической подачею руки¹⁾). Древнегреческое писательство было хорошо известно последней степени, а о неизбежности данного обещания Диодоръ говоритъ: «Что, рабынѣ тѣ
периѣ таѣ Нарекъ».

Вотъ въ чёмъ и состоять соглашенія, письменныя соглашеніями Мира (Mithra), почему что у персиянъ Миру было поручено избавлять ее отъ строгости исполненійъ обещаній. Остальные четыре проступка противъ Мира, упомянуты: Всюдидомъ, не составляютъ никакъ степени. Это — иначе иное казнь толь-же проступковъ, только раздѣленный на извѣстные степени, сбрасывая силь проступленія, бывшаго последствіемъ нарушения слова. Вотъ почему становятся понятными и то вънчайшее уваженіе второго передъ пятью ит. клеткѣ. Книга клетокъ, находящаяся въ Ригведѣ (Rigviede)²⁾, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ древнѣхъ временахъ было въ обычай налагать всевозможныя испытанія,

¹⁾ Выдержанный переводъ мы отыскали близко всего подавленіемъ къ прекрасному звону звонку деревяному „Der Knob des Handelshofes“ У Жана Франса „la sonor (degrés) A l'ea quanl en fait frapper dans la main.“

Древнѣ.

²⁾ Собрание свидѣтельствъ рукописной персидской, гораздо позднѣе приведеніе членъ Авесты.

такъ напримѣръ, заключившися изъ тойъ, чтобы пройти трезъ огнь, пить изъ ротъ раскаленное жало... И теперь еще, у паровъ¹⁾, кто хочетъ привести клятву, долженъ читать книгу клятвъ, для того чтобы самому видѣть последствія того, что совершишь и предотвратить эти послѣдствія. Кромѣ того сеъ должны иметь таъеъ изысканнаго примирителя, который-бы всѣми силами старался уладить дѣло бѣзъ клятвъ. И тогда только, когда-бы всѣ предварительныя церемоніи окончались бесполемными, и когда примиритель торжественно объявитъ, что сеъ слагаетъ съ себѣ всякую отвѣтственность, человѣкъ приглашаетъ къ приведенію самой клятвѣ. Кругомъ человѣкъ наизревающаго привести клятву измеринаютъ другъ, приносить ему чашу воды, огня и лѣбда и стеклъ все это вонзъ него. Затѣмъ сеъ начинать привесить самую клятву, говорятъ— Я, такой-то, смирился такого-то, кличуясь передъ создателемъ Оружіемъ, величественнымъ, всемогущимъ и т. д.

Найти политическую систему въ Зандъ-Люстѣ

¹⁾ Паромъ или Гебра (Gebra) походилъ на одинъ древній герой, состоящій чрезвычайно боялся въсѣхъ и вѣнъ якотицѣи наименію Иада, которое глаголикъ образомъ изгѣблено изъ Баббіи. Они занесутъ таихъ и по берегамъ Каспіевскаго мора.

было бы доказать не легкимъ. Единственные сведения о такой системѣ, которые мы въпомъ находимъ, заставляютъ насъ предполагать, что общественный (сопротивленій) порядокъ у первонача основывался на тѣхъ же самыи начинаніяхъ и въ Иудії. Такъ напримѣръ, имъ находимъ у нихъ разные образы четырехъ частей или сословій: крестьяне Аоравас (Atharavas), воины, воинственный и ремесленники¹⁾. Однако все заставляетъ предполагать, что эти четыре класса не были никакъ въ Иудії разделены неподвижными границами. Мы встрѣчаемъ въ нихъ извѣстные признаки разности, по крайней мѣрѣ первыхъ Богомъ.—«Хама Гому (Неш) который изъ великихъ развеять духъ блудного луку богача, Хама Гому, который узъ обидчика развеять изъ величию босости»²⁾). Въ тойъ самой мѣстѣ, где Зепуль Амста показывается путь различіе между четырьмя классами или сословіями, оно вслѣдъ заходитъ превышать:—Когда честный человекъ поступаетъ справедливо, отъ всегда привносить миръ общію.—Это подвидимому должнозначитъ, что различіе между че-

1) Весь послѣдній классъ включаетъ трижды вѣтвящіеся. Обыкновенно четырехъ классовъ не бываетъ у Шахіровъ, т. Ш., томъ I, стр. 5.

2) Иеш, X, 10, 26.

тырами классами — только политическое, и что из на-
ицель-бы усердных членовъ ни находишь, отъ ко-
торыхъ сдѣлаться добродѣтельными и привести миру обе-
лие. — Что же поистинѣ класса жрецовъ, то не иначе
чтобы отъ обладать такими же превищуществами какъ
брамини въ Индіи. Въ сдѣланныхъ иѣстѣ по смыслу
возможно было бы поставить три класса парашъ единъ
съ другими: — Президентъ адѣль ганда (или
издѣнна (тое Маздакы); жрецовъ, воиновъ и зем-
ледѣльцевъ.¹⁾ — Ранже, Гаі, считается чуть не ро-
лигіознымъ античъ.

— Это добывать землю води, — прѣобрѣтать также
цѣломудріе; отъ получаемое и распространять
законъ изадистъ²⁾. Въ этомъ же тѣмъ про-
грессъ или если угодно авансоризмъ превищество
челопа Зороастра передъ закономъ Малу. Возможнѣ
иѣ значеніе, какое классу изадильцевъ къ вообще
и то отъличительное различие, которое имѣетъ
место между различными классами. — Управление
адѣль какъ и въ Индіи монархическое и верховный
предѣлъ передъ называется Организъ: изъ этого

1) Кара, XIV, 2. Die gre Strke des mazdaischen Gottes
reis ist bei Friester, Krieger und Ackerbauer.

2) Панцидары, drug. III — Законъ Маздакъ — иѣ дес. Маздакъ.

и включается восточная теорія царского достоинства, которая встречается толькъ до смысла Биты. Но замѣтимъ, что гимнъ отражаетъ практическія страсти — это благотворительность.— «Ты назначаешь царемъ о, Ориузъ, того который облегчаетъ участь бѣднаго и питаетъ его...»). Вотъ подвидимому почти все, что можно составить себѣ о морали дрецихъ персия. Памъ пагубство превосходно мало подробностей обѣ этой морали, таинствъ упьель быть тѣхъ книгъ, изъ которыхъ по всей видимости эта мораль была выложена. Впрочемъ, писавшихъ истопниковъ вполнѣ достаточно для того, чтобы привести Зороастру и его религиозной системѣ ясное поясніе о борьбѣ между добромъ и зломъ, борьбѣ совершающейся въ одно и тоже время и въ человѣкѣ и въ цѣлой мірѣ. Въ томъ-то и заключается болѣшая услуга этой системы, что она разрушила очарование, погружавшее воображеніе восточныхъ народовъ изъ какой-то сонъ спиріала,— что она придала жизни исторій смыслъ, сражавшись съ биткою и что, наконецъ, представила побѣду

1) Всѧ; VIII, къ XII. Мы приводимъ это место съ эллагоресомъ перевѣреніемъ, потому что оно встрѣчается только у Амиды и въ соответствующемъ ему персидскому Шансу, стр. 85, то есть

не надь существованіемъ, а надь яломъ. Спустившись съ обширныхъ высотъ, на которыхъ параллелей индійской аскетики, учение это пробуждало изъ членовъ самосознаніе; въпротивъ, можно было изъ разныхъ видовъ проникнуть на Западъ, должно было быть тѣль въ составъ изысканныхъ философскихъ и религіозныхъ системъ.

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА КИТАЯ.

I. Конфуций.—Его личность.—Религиозный характер его учения.—Задачи морали.—Современность.—Современное Конфуцианство.—Примечания к истории конфуцианства.—Краснота в добре из близкому.—Политика основанные на морали.

II. Мэнцзі.—Два сына: Инь и Ян.—Правительские реформы Мэнцзі.—Его моральный принцип: поэтическое хризис чести себя, своего я.—Правда, свободы, ее погибель.—Стойкость. Важные изменения произошли.—Либерализм Мэнцзі.—Социальная утопия.—Себельственность и злодейство.

Если бы мы стали ложиться на Восток слыдовательных идей, которые могли бы для меня послужить на морально-и политическую философию Запада, то должны были остановиться на Индии или Персии, потому что, съ одной стороны Египет и Финикия, имевшие неоспоримые сношения съ Грецией, представляютъ пыль, при настоящихъ нашихъ склонностяхъ мало слыдовъ моральной философии; съ другой же стороны, нельзя предполагать никакой

даже восхитившей и отдаленной связи между Греческой и единственной японской нацией, представляющей намъ настоящую систему нравственной и политической философии, я хочу сказать — Китай.

Младенецъ, буддистъ и брахманъ, собственно говоря, не философскій ученикъ, — это ученикъ религіи, изъ которыхъ, хотя и вспрѣхутъ философскіе принципы, но та форма не наименѣй антагониста философскаго. Сосѣдъ же то съ Китаю. Мораль и политика являются здесь тѣъ такой исполнительной религиозной формой, что даже религиозное чувство изъ нихъ почти совершенно исчезаетъ. Это гуманное, осмыслившее учение, столько же философское, иши оно мало встрѣчается у націи, практическія умы которой любятъ его глядѣть образами изъ умозрѣнія. Переходъ отъ Индіи къ Китаю мы съ большими удивлениемъ видимъ исчезновеніе этого исполнительного чудовища, составляющаго основу религіи и забывающаго въ законодательство, изъ посвѣти и даже изъ философіи; тутъ снова чувствуешьъ себя среди людей говорящихъ по человѣчески и не находящъ никакого другого величія кроме величія мысли. Нѣтъ сомнѣнія что нравственное учение Конфуция никогда не переступило стѣнъ Китая, но это учение давало жизнь, и теперь еще питаетъ

одну из многоглавейшихъ лицъ изъ мрѣ, да и само по себѣ оно—одно изъ лучшихъ учений, которыи могъ бы гордиться человѣческій разумъ¹⁾. Этого уже достаточно, чтобы не гадить его въ исторіи²⁾.

Главный характеръ моральной философіи Канта заключается въ томъ, чтобы не быть эпопеемъ произведеніемъ отиризмъ, мнимыми богами или таинственное силы, которые известны намъ только по имени,—но быть произведеніемъ человѣка, личности, исторіи которой, характеръ, самое право

¹⁾ Германъ (Geschichte der Philosophie, т. I, стр. 140) напоминаетъ о Конфуции тринадцать стroph, приведенныхъ супериз. Суперизъ страны вспомнить высокое средство это ознакомиться.

²⁾ Моральныи учение Конфуций (Шунь-чжун) выходитъ изъ поля нравственности чистою мистической науки (Фюль-Сю). Всегда же: 1) Ти-шю или путь уравненія; 2) Чунь-чжунъ или спиритуалъ нравственности; 3) Амь-чжунъ, или философія бессмертия. Путь-шю есть существуетъ только первое, Ти-шю представляеть путь Конфуция; второе, Чунь-чжунъ изображаетъ его науки и учения; Ти-шю же. Что является чистою мистической науки, то она-истинна. Истинна-шю, или Монизмъ, монодизионистская учение Конфуция черезъ два способа показываетъ. Чтобы изложить еще яснѣе нравственность въ мистической философіи Канта, скажуемъ что обратиться къ Шу-Канту или книга по производству. Е. Фолье (Fouillée) перевелъ эту книгу на франц. языкъ (Св., Livre mortua de l'Orfèvre, у Франса Бидо). Аббас Рено (Renou) приводитъ изъ Чунь-чжунъ изъ комментария (Nériton et extrait des manuscrits, т. X, стр. 269).

были пам'ять переданы посредствомъ достовѣрныхъ¹⁾ рассказовъ. Въ сочиненіяхъ Конфуція или въ сочиненіяхъ его учениковъ, мы видимъ, что онъ живетъ и говорить о самомъ себѣ какъ-то естественно, отъ души, что, пожалію, гораздо доступнѣе чистому тѣмъ пам'ятниковъ превосходныхъ индійскихъ учителей. Философъ, говорить его ученики: — былъ земной личность четырехъ венецъ; въ немъ не было самонебія, предразсудковъ, упрямства и себѣлюбія, южного²⁾. При встречѣ съ каждымъ членомъ, философъ бывалъ любезенъ и услужливъ, это лишенное нынѣ вспышки величія и достоинства его поведенія, внушили въ нему самое исключнѣе уваженіе. Какъ были кратки и убѣдительны его поступки! Коль приѣтство и преодолѣніе болѣе самихъ видѣли его! — Онъ былъ нѣжнаго и любящаго природы³⁾. — Если философу случалось сидѣть за столомъ съ членами семейства, скрѣбаниемъ о какой-нибудь потерѣ, овъ не могъ быть, какъ-бы сильно ни былъ голоденъ⁴⁾. Рѣчь его скромна и удивительно проста! — Я толкую, я поясняю драгоцѣнное писаніе говорить оно! — но не сочиняю новаго. Я

¹⁾ Давн.-в. IX, 4.

²⁾ Давн.-в. VII, 4 и 57.

³⁾ Тамъже, VII, 9.

взрой из древнее и люблю его... Я всегда не родился умудряться наукой. Я человекъ, любившій древніхъ и обративші всѣ свои усилия на то, чтобы пробрѣсти изъ землі¹⁾. — Ось сознаніе не пристасть изъ чудесамъ и творѣ не думать основывать на нихъ своего ученика: — Сокращать сверхъестественна дѣла, которыя возможны лишь человѣческой природѣ, творить чудеса для того, чтобы пробрѣсти себѣ поклонниковъ и послѣдователей изъ бурующихъ вѣкахъ, вотъ чего не желать и двинуть²⁾. — Наконецъ мы видимъ, что оно же таинственный обомѣфъ (богословъ) у которого для ученика одно иное, другое тайное: — Есмъ яхъ, ученикъ моя сколько бы ласъши было, не думаете ли, что у меня есть для земельныхъ ученикѣ? У меня можетъ быть тайники для земельныхъ ученикѣ³⁾. Итакъ, мы сейчасъ видимъ, что Конфуций считаетъ себя за тирана изъ древнихъ, да и приверженцевъ древнихъ обычны и имеютъ постыдности изъ проказъ и обрадахъ. Видеть неизвестно какое огромное значеніе имѣютъ изъ Китая вообще обрады и церковные ихъ особенности. Собравшись съ этимъ

¹⁾ Лог.-х., VII, 1, 19.

²⁾ Чунь-хань, XI, 1.

³⁾ Лог.-х., I, VII, 22.

Конфуций и говорят:— Колесница падшаго го-
сударства идетъ по тѣхъ самыи волокамъ, по ко-
торымъ следовали колесники прошедшаго времени;—
книги написаны въ тѣхъ же самыи характеры, а
имена остались тѣ же въ томъ же порядке.— По-
всюду они считаются соблюденіе первоначальныхъ обра-
зовъ въ чистѣй доблестей¹⁾; но очевидно, что образы
они подчиняются чувствамъ и ихъ наитию— яку-
трепину. Приводить его слова, которые можно
признать неизменными изъ такой строфы, где нѣкак-
ность связывать частную съ общественную жизнь не
распутанными четами сукцузныхъ образовъ²⁾.—
Загрунтуйте окна въ картину, чтобы потеть измѣ-
нять краски. Тью-ти говорятъ: Задомъ перво-
наго ястия второстепенны. Философъ говоритъ:
Схематизи ли на него мысли³⁾.— Въ тѣхъ же
самыи посланіи я слѣдующіе слова:— Въ образахъ
самыи строгіи скопомъ предпочтительнѣе безукориз-
неніи; въ гигантскихъ образахъ, тиха скорбь

¹⁾ Слѣдуетъ для этого изрѣзаніемъ подобающаго извода (Чтвѣт-
ника СХХVII, 6). См. также Линъ-и, кн. II, с. XII, 1.

²⁾ Чтобы сознать себѣ обѣ этии извѣстности можно съ
Тью-ти или первоначальными образами Тицер, переводомъ Бургра Вѣс (Bret),
и разборъ этой книги Біа-санъ, и сочиненіемъ де Гагаденъ, док. во-
мог. 2-е изд., т. IX, стр. 185.

³⁾ Линъ-и, I, гл. III, 8.

предпоставительство незримой и бесплодной мышле-
сти¹). — Иakovецъ, что гневиши образъ свидѣ-
тельствуетъ о независимости его мышленія, это чрез-
крайне свободное и совершенное философское тол-
кованіе изъ священныхъ текстовъ²).

Философъ, какъ онъ называется въ книзѣ, уче-
никою, обнаруживаетъ его постоянство по отношению
къ религіи. Вироченіе религіи это было, разсказа-
весьма мало; это былъ родъ неопределеннаго и мате-
риалистического многообразія; вѣтайщи никогда видѣн-
иа паниами духовнаго и бытъцеремоніаго бога за-
падныхъ религій; они включаютъ неопределенные
сущности, которые называются духами или то-
щими и которые систо чисто какъ сили природы.
Въ этомъ случаѣ, точно также какъ и въ обрадахъ,
Барбутцій предполагаетъ сущность формъ, и никогда
не противорѣча народному вѣрованію. Вотъ по-
добное захѣчательное изѣте: — Когда философъ за-
болѣлъ, Тиу-лу просилъ чтобы онъ помѣнилъ сво-
имъ ученикамъ обращаться къ нему съ молитвами
къ духамъ и гейямъ. Философъ на это сказы: Слѣдуетъ ли тѣль поступать? Тиу-лу почтительно
отвечалъ: да.

¹) Тихом., I, III, 4.

²) См. Тиутичевъ, XII, 3; XIII, 3.

отвечать ему: — Да, такъ слѣдуетъ. — Въ концѣ изложенной Гуань, сказавъ: — обращайтесь съ молитвами къ небесамъ и великимъ духамъ и гениямъ; философъ говоритъ: молитва Кі-лу (какъ она тебе указана) постоянна. — Онъ срѣдитъ таѣть поставленную т. е. сердечную молитву, молитву о дѣлѣ, съ опредѣленными и необходимыми для особенныхъ обстоятельствъ молитвами. Это изложенная мудрость отвѣтило мудрость, которой она надлежала покинуть на томъ бѣзъ нечестивыхъ дѣятелей. Каждый разъ когда ему предлагаютъ вопросы о сверхъестественномъ мѣрѣ, онъ тутъ же отвѣтить на нихъ. — Роль Кі-лу спросилъ ею: какъ можно служить духамъ и гениямъ? — Философъ отвѣтилъ: Если мы не въ состояніи служить людямъ, то какъ образомъ можемъ мы служить душамъ и гениямъ? — Позвольте избѣгнуть, приблизиться Кі-лу, — спросить васъ: что такое смерть? Философъ сказалъ: — Если мы не знаемъ еще, что такое жизнь, то какимъ образомъ можемъ знать, что такое смерть?³⁷⁾

Итакъ, учение Конфуция, — учение философское и умозрительное, умлюющее преданіе и притомъ учение жезловскаго. У него же наука есть скрытая пра-

циии, совершенно сходные съ сократовскими и вправь выраженные съ рѣдкою точностью: — Знать то что знаютъ и не знать того чего же знаютъ — вотъ пестрый шутъ¹⁾. Ось вполнѣ соединить характеръ и методъ учения: — Существа въ природѣ, говорятъ, — имаютъ причину и дѣйствія; человѣческіе дѣйствія имаютъ начало и послѣдствія;ознавать причины и дѣйствія, начала и послѣдствія, значить бессмыслицѣ подходить къ творительству методу,передѣльномуъ котораго достигается совершенство²⁾. Ворочень, же сбѣдуетъ обличивать себя и искасть у Конфуция спасеніемъ строгаго жестока; онъ выскаживается болѣе ыформленіи т. е. краткими изрѣчніями, чѣмъ разсужденіями. Но никакъ нельзя отразить — одного, это влечение нравственнаго чувства, которымъ проникнуты эти древніе памятники. Иль сочиненій чисто философскихъ, изъ столь отношений можно сракзить съ мною разг҃ъ только Мысли Марка Аврелия. Словъ есть воспитанный, чистый, простой и чрезвычайно искренній.

Если утромъ вы удалили голоеъ небесной птицы, вечеромъ — можете умереть³⁾. — Всехъщаде-

¹⁾ Левинъ, I, II, 17.

²⁾ Та-ти, I, 3.

³⁾ Левинъ, IV, 2.

должен проявляться въ сочиненіяхъ Конфуція глубо-
кими и возвышенными выраженіями:—О, какъ великъ
законъ добра въ святотѣ чародѣй! восхищайтесь имъ!—
Законъ добра подобенъ божественному океану; онъ
рождается и окраинъ имъ существуетъ; величина его
имъ отъ достигаетъ неба. О, какъ блестятъ и изящны
эти законъ! ¹⁾—Самое нравоучение у Конфуція
обогащается предоставлениемъ въ религіозномъ чистотѣ,
или скорбѣ, оно становится само по себѣ религіоз-
нымъ чувствомъ, и моральныи законъ становится ему
принципомъ, существующимъ самъ по себѣ, преисполн-
дящимъ все что только можетъ востичнуть разумъ и
которому известность только имени Бога:—Совер-
шенное, говоритъ онъ, — есть истинное, созерцаніе
отъ всякой прымкѣ. Совершенное есть начало и
конецъ всякой существы. Безъ совершенного или
совершенства, существа не могли бы жить. Совер-
шенное (правдѣ) само по себѣ безусловно совер-
шенно ²⁾). Конфуцій не только упоминаетъ на живре
и восторженное чувство морального закона, но знаетъ
ему точное определеніе; таъ-закъ это фундаментально
появлять свойства этого закона то ужъ поэтому же

¹⁾ Чунь-хань, XXVII. Правда, что это сописокъ изъ Конфу-
ция, а не зара Тай-сю; но мыть изъ него приводимъ стру.

²⁾ Чунь-хань, XXV.

ральное учение его входит научно. Вотъ какъ оно опредѣляетъ моральный законъ: — Это, говорить Фань,— такое начало, такое правило, которое направляетъ наши дѣйствія съобразно съ различной природой¹⁾. Это-то иначе отъ и выраженного краемъ лучше. — Далѣе съѣ говоритъ: — Законъ практической философіи состоитъ изъ разумія и разъясненія съставленія начала разума²⁾. Что это за разумъ таинства природы, съ которой сообразованные предписываются моральный законъ и которую Конфуций называетъ мифомъ конфуцианскому? — Это, по его мнѣнію, существенный законъ, который надо видѣть каждаго человѣка, для того чтобы онъ праильно выполнять свое назначеніе. — Это начало живописныхъ стравъ, ий и различныхъ дѣйствій, которыхъ небо дало живому существамъ. — Но что же означаетъ слово разумъ, это выраженіе, которое такъ часто употребляется китайскими философами? Можно было бы утверждать, что Конфуций разумѣлъ подъ этимъ выраженіемъ существо дѣятельности преисполненной природу, или конечный разумъ, прошибшую волю. Но нельзя не признать, что Конфуций никогда

¹⁾ Чунъчжэнь, I, I.

²⁾ Это выраженіе является близкимъ тѣмъ-же малъ и определено стихами: фрактура тѣ, та ладу.

не возвращался до материалистического пантеизма, довольно распространенного, характерь которого выражалъ сълѣдующаго странное отрывокъ: — Какъ общары въ глубинѣ всесуществия силы неба и земли.. Присущія самому существу вещей, суть не могутъ быть отдѣлены отъ нихъ; они посреду— надъ ими, падаютъ и направо отъ нихъ, суть окружаютъ чисть со всѣхъ сторонъ. Духи же, какъ-бы выдуманны и изобрѣтены не были, проявляются въ тѣлесныхъ формахъ людей; самое существо ихъ, какъ дѣйствительное, не можетъ не проявиться въ какой-бы то ни было формѣ^{1).}

Если же находишь у Болфуса венецианскіе относительно первобытного закона людей, то за то моральный законъ выражается имъ такъ замыщенно, ст. также твердостью и злостью, которая не оставляетъ желать ничего лучшаго. Существенный характеръ этого закона, по его мнѣнію, составляетъ долгъ и непреложность. — Правило працелавленія, говорить онъ, — которое должно руководить дѣйствіемъ, до того обнадѣльно, что отъ него нечаянъ отступить ни на единъ часъ, ни на одну минуту. Если-бы отъ него можно было отступить,

то оно не было бы приваломъ запрещааго поиска 1).

Превосходно выражается отъ относительнаго этого абсолютнаго характера: — Законъ долга, гласить онъ, — есть самъ по себѣ уже законъ долга 2). Онь изображаетъ этотъ единонѣкъ законъ однаковыи для всѣхъ, иъ таинствъ условий, что онъ наводитъ, доступныи для самыи слабыи, въ превосходишииъ въ тоже время учения жадрѣшнаго и ученѣйшихъ людей: — Онь таинъ обширнаго, гласить отъ философъ, — что можетъ бѣть приобщеніи ко всѣмъ человѣческимъ дѣйствіямъ, такъ жеупомнии, что на кону и неизѣгство 3).

Этотъ законъ, хотя и предписываетъ человѣку доволыиъ поискалько, получаетъ однако свое начало въ сердцахъ всѣхъ людей, где онъ достигаетъ своего полнѣшаго проявленія, для того, чтобы озарить небо и землю сквози арками лучами. Онь не долженъ быть отдаленъ отъ людей 4), т. е. онъ долженъ быть сюбъразъ и соразмѣръ наъ преродѣ. Онь считаетъ его наконецъ закономъ всѣго разум-

1) Чулъ-кагъ, I, 2.

2) Тамъ-же, ХІІ, 2.

3) Тамъ-же, ХХІ, 2.

4) Чулъ-кагъ, ХХУ, 2.

таго, просидающаго всю землению¹⁾). Казъ не
сознаться въ томъ, что Конфуций усвоилъ всѣ су-
щественные черты, которыми должны критика ста-
ралась определить иерархій законъ.

Въ чёмъ состоитъ цѣль морального закона²⁾?— Въ
усовершенствованіи самого себя. Конфуций повторя-
яетъ это во многихъ мѣстахъ; но есть съ тѣчено-
стью различность совершенства и усовершенствованіе.
Одно — изъянъ себѣ, другое замѣнъ словомъ³⁾;
одно — идея, которую никто не можетъ достигнуть,
другое — возможное, которое во власти всѣхъ людей.
Говоря о совершенствѣ, Конфуций казы-бы разг-
мѣтъ первообразъ, превосходящій самую природу
и сближающій самъ его можно принять за несущее,
но глубокое выраженіе идеи безличнаго:— Небо и
земля бѣзъ симбіка велики; однако чаловѣкъ и изъ
нихъ выходить несовершенства. Вотъ почему мудрость,
разсуждая о томъ, что изъключаетъ изъ себѣ великаго
правило правдиваго поведенія, сказъ, что жи-
тие можетъ выѣздть изъ себѣ⁴⁾.

Продуктивная сила тебѣ и земли можетъ — быть вы-
ражена однимъ словомъ — совершенство, но продуктив-

¹⁾ Тамъ-же XXXL

²⁾ Тамъ-же, XIII.

³⁾ Чунь-чжи, XXV, 1.

существо непостижимъ¹⁾). Совершенство есть начало и конецъ всѣхъ существъ; быть совершенствомъ ничто не могло бы и существовать²⁾). — Идеалъ приходитъ Конфуций такъ пѣльги бѣзъ яицъ Бога, отъ которого онъ такъ удалчается въ своемъ метафизическихъ разсужденіяхъ.

Хотя совершенство и выше человѣческѣй силъ, однако Конфуций любить представлять себѣ человѣка весьма совершеннаго, который служитъ ему образцомъ, такъ-бы для побуждения людей стремиться къ мудрости. Это даже идеальное; оно подобно измудренцу стакана, который обладаетъ всемъ добродѣтелью, всемъ ученостю и всемъ силой, какія только можно себѣ вообразить и пожелать³⁾). Самъ Конфуций прописываетъ этому идеалу сверхъестественные способности и называетъ его третий силой твоей и земли⁴⁾. Но предстаилъ идеальный образецъ, отъ него требуется совершенства невозможнаго — Я не въ состояніи имѣть человѣка сихъ, и потому желаю только видѣть его мудрость. Онь обясняетъ это место изъ книги стихотворныхъ образованій:

¹⁾ Танъ-ко, XII, 2.

²⁾ Танъ-ко, XIII, 1.

³⁾ Чунъ-ханъ, XII, 4.

⁴⁾ Танъ-ко, XX, 17.

У ремесленника, обтесывающего топорище по другому топорищу, образец не делать. Такъ и мудрѣцъ, исправляя людей и улучшая ихъ, не долженъ обращать вниманія на отдаленные образцы. Обратясь къ добру, онъ на томъ и остановливается¹⁾. Итакъ, хотя человѣкъ и не можетъ достигнуть совершенства, онъ все-таки должна постепенно пытаться приблизиться къ нему и стараться преуспѣвать, стремясь изъ этой чистовой юбы. Онъ долженъ основательно изучить науки добра, для того чтобы разумѣть мельчайшіе его границы, больше всего воспользовавшись первоначальными умами; онъ долженъ сообразоваться съ привычными уже законами и стараться открыть въ нихъ новые²⁾.

Послание о мудрости у Бодища тоже обширно. Оно превозноситъ душевную силу подобно стонку³⁾, мудрость,— подобно ученику Аристотеля, любящему близкому,— подобно христианству. Ни Эпикуръ, ни Маркъ Аврелий не говорили подобныхъ словъ. Если мудрѣцъ богатъ, осенять почестями, то онъ поступаетъ, какъ долженъ поступать человѣкъ бО-

¹⁾ Чисто-сеть, XIII, 9.

²⁾ Тамъ-же, LXVII, 6.

³⁾ Тамъ-же, X, 4.

глупый и оспинный почтенный. Если же ость бденье и презирася, то поступаетъ, какъ человекъ бдникъ и презирасиный... Мудрецъ, отождествивший себѣ съ моральными законами, всегда настолько умѣть владѣть себою, чтобы изыскывать соображенія съ его закономъ обязанности, и въ какъ-бы условиахъ осты не находилъ¹⁾). Вароченье, подобная твердость никогда не сопровождается ни хвастовствомъ, ни надменностью. Ось не говорить, какъ греческій философъ:—Даже на физарійскомъ бывъ²⁾ мудрецъ же воскликнѣль-бы:—Какъ это прѣтѣ! Но съ разсуждаешь съ бѣглеемъ карантиномъ простотою и скромностью!—Натался небольшимъ величествомъ риса, пить воду, спираться только на свою руку, все это составляетъ своего рода удовольствіе³⁾). И прибаковать:—Быть болѣзни и несправедливо тужа-жасицъ, для меня тоже самое, что лежащее на моемъ мене облако.

Вотъ все, что ость говорить о силь духа; что же известны воздѣлности, какъ доблести, то она преимущественно вохващается тщеславіемъ Бенфунда. Прекраснѣй золотой середины, однѣ изъ его люби-

¹⁾ Чисти-мага, XIV, 1.

²⁾ La tasse de Phalaris.

³⁾ Древн., VII, 15.

мѣйшихъ привыкъ. Оно возвращается къ нему много разъ, выражаясь весьма точно и определенно. Наконецъ, эта привыкъ служить предметомъ цѣлой книги, значение которой достаточно говорить само по себѣ: *Возраженія въ серединѣ*¹⁾. Вотъ какъ выражаются серединѣ авторъ ее, вынужденный Конфуций²⁾ и объясняетъ его ученика: — Покуда не проявится (чрезъѣро) разумъ, удачливое, благоприятствующее, состояніе да которому мы находимся, называется серединой. — Постоянство изъ серединѣ, чуждое всему чрезъѣру, — называется доблѣстю³⁾. Но не следуетъ пытаться, середину называемую безусловно и поглощаемо, наравѣ называемую будорбѣ для проявленія во себѣ обстоятельствъ. Середины бываютъ различные, мудрость должна учить ихъ распознавать: — Мудрый человекъ сообразуется съ обстоятельствами, чтобы держаться середини... человека разумѣтъ, не боясь сѣбѣ слѣдовать.

¹⁾ Основное учение Чжань-Гао. Ученый Чжань-Гао называетъ — То что не удачливое, да то чистое, середина, называется серединой (чунгъ); то что не пытается, называется непытаниемъ (чанъ). Св. фраза, переводъ ср. 32.

²⁾ Типъ-санъ.

³⁾ Чунгъ-санъ, II, 1, 2; III, 1; VII, 1, VIII, 1; IX, 1; X, 1; XI, 3; XIV, 1 и т. д.

ей во всемъ и мудръ¹⁾. — Вотъ законъ смѣшъ воз-
держанности этой философии, въ которой они
боятся возвысить крайность и чтобы отыскать вѣ-
ткую середину, прибегаютъ бывѣ же логикѣ
разумнаго человѣка измѣни изъ собственности обу-
щимъ.

Надобно паконецъ сказать, что у Конфуція че-
сто заимчали элементы, на основаніи которыхъ
можно заключить, что смиреніе къ любви же ближ-
нему стоялъ этимъ захоподателемъ изъ числа доб-
лестей. Не высокое-ли смиреніе вищие слѣдующія
слова: — Избегать общества, тѣль чтобы люди
не видѣли и не звали тебя, и не испытывать
при этомъ никакой скорби, все это возможно только
скотолу²⁾. Разумный человѣкъ скорбить о сво-
ей немощности, но не печалится о томъ, что
люди стоя не знаютъ и не признаютъ³⁾. — Не
любовь-ли же ближнему вищила слѣдующій от-
рывокъ: — Фыти спроши: въ чёмъ заключается
добрасть человѣковѣбы? Философъ отвѣтилъ: —
Любить людей⁴⁾. Онь долженъ любить людей

1) Чунги-хага, II, 2.

2) Чунги-хага, XI, 3.

3) Лоин-и XV, 19.

4) Тсанъ-иа, XIII, 22.

Бесѣдка.

всего сквозь своей любви, и уединять все изграждающее его¹⁾).

Также только истинно разумный человекъ, ибо разумъ любить всѣхъ людей²⁾.

Вотъ слова еще болѣе убѣдительныя, изъ которыхъ не только идея, но и чувство братства изображены весьма выразительно и даже страшно.

Философъ говоритъ: — Я хотѣлъ бы доставить старшимъ приятный отдыхъ, друзьямъ — сохраниТЬ постепенную зѣрность, женщинамъ и дѣтямъ изгружать катеринскими погребальными³⁾... Стезь Ми-Шу съ грустью говоритъ: — У всѣхъ людей есть братъ, только у меня изъ иныхъ — Разумный человѣкъ, отвѣчаетъ философъ: — Можешь считать своими братьями всѣхъ людей, живущихъ на чистомъ морѣ⁴⁾. Наконецъ, для того чтобы уничтожить всѣ эти отравы единицъ, изъ которыхъ они коротко изогораются всѣ, спросишь, что можетъ быть лучше сказанныхъ словъ: — Ученіе нашего учителя, говориши Моягъ-твоу! — состоитъ единственно изъ прямодушия,

¹⁾ Тамъ-же I, 6.

²⁾ Тамъ-же, I, к. 14.

³⁾ Дополн., I, к. 23.

⁴⁾ Тамъ-же, XII, 6.

любви къ своему ближнему, жить къ самому себѣ... — Поступать съ другими такъ, какъ бы пытъ хотѣлось, чтобы поступали съ тобою, итъ учение честолюбія. — Всюдкность¹⁾ есть причина жизни.

Нельзя сказать, чтобы учение Конфуція было политическое. Постоянъ никогда не имѣлъ этой науки, занимавшейся существенными земельными государствомъ, и которая рассматриваетъ принципы правления, различаетъ въ сраженияхъ разнотипные учреждения и судить о формахъ правления по образцу совершившаго працелія, смыслъ котораго изыскивается у каждого по своей системѣ. Неподвижный Востокъ — это болѣе практика власти.

Ворожбы, должно сознаться что изъ Китая, где все начатое изъ болѣе гуманного разыскрѣ, учение о божественномъ граеъ гораздо менѣе преувеличено вѣжли въ Индіи. Государь называется Сыномъ Неба, и прописано, что свою власть онъ получаетъ отъ себя²⁾; по это предположеніе, штото объясняющіе

1) Та-сю, IX, 3 (исторія талантовъ у Поты, записей первыхъ, стр. 66. Парижъ 1837.—Чунь-санъ, XIII; I; Линь-ю, IV, 15; V, 11. VI, 38; XV, 32; Мэнъ-Тсуу, II, VII, 4.

2) Шут-Банъ (Симонъ книга Форока, 1840). гл. Та-сю.
6*

изражение, не имеяеть смотрѣть на государя какъ на членѣка, а философъ считать правительство, за человѣческое учрежденіе, подверженное недостаткамъ, вынужденную критику, способное преобразовываться и совершенствоваться. Суверенитетъ не является тѣмъ безусловно неправосудиемъ; то сажаетъ дѣлъ на почтѣ. Китай слѣдуетъ однѣ за другими изгнаніемъ династій. Одну изъ добрыхъ революцій, Конфуций навѣрно одобрилъ¹), вообще же онъ признаетъ революціи какъ-бы извѣтoreе значеніе, чь склонность чрезвычайно сильна:— Китай-то скажетъ,— Небо, дающее человѣку героянскую власть, даруетъ ее не навсегда. А это значитъ, что поступки хорошо и справедливо, человѣкъ получаетъ эту власть, а поступки дурно или несправедливо, теряетъ ее²).— Иначѣ, верховная власть (суверенитетъ) можетъ быть потерянна, а для того чтобы сохраненіе еї было для народа обезпечено, служить здоровъ и расположеніе народа.— Заслуги умаженіе народа къ подчинѣи власти, лишившися уваженія, потерянъ власть³).

«Небо, создалъ народа, извѣтъ есть для него, чтобы оно послало въ него».

¹) Листъ, XIV, 17, 18.

²) Там-же, X, 10.

³) Там-же, 6.

Не следует однако считать Конфуция политическим мыслителем. Он устраивает народъ отъ правъ суждений о правительстве¹⁾ и признаетъ право происходить большія реформы, требуемыя благосостояниемъ государства, но только въ широкомъ планѣ²⁾. Онъ вовсе не уточняетъ, че таинствій обѣ идеалъю обществъ, который поэтому позволяетъ себѣ пренебрежительно относиться къ существующему обществу; хотя выше-то изъ остальныхъ онъ и восхващается:— Если бы я обладалъ царскими достоинствами, мы бы болѣ-бы достаточно одного покоя! для того чтобы поездѣ подвигъ государство честолюбіемъ!—Эти слова, правда, неизвѣстно чьи честолюбивыя, съ любовью къ которыми Конфуций какъ-бы приписываетъ на себя роль преобразителя, вообрази-же это жудрецъ,—король, который подаетъ образъ столько-же государства, сколько и другихъ личинъ. Политика по его мнѣнію составляетъ только часть короля. Правленіе это опредѣляется слѣдующими словами:

Все что справедливо, то и праведно.—Для того, чтобы хорошо управлять государствомъ, нужно прежде всего, во его мнѣнію установить порядокъ

¹⁾ Дополн., VIII, 14.

²⁾ Чунь-чань, LXXVIII, 2.

из своей семьи, а особенно уметь управлять сминымъ собою¹). Добротелльный императоръ обладаетъ сердцами своихъ подданныхъ, а владѣя сердцами, онъ излѣбѣтъ и страной. Рациональный и моральный принципъ есть главная основа, сделавшись — только его принадлежность²). Онь сообщаетъ императору управление своихъ подданныхъ не винами а добродѣлиемъ призѣрами. Хотя о государстvenныхъ доходахъ онъ называетъ доходами падчерицъ магії, но которые по первому случаю составляются послѣднее слово философской науки. — есть, говорить онъ: — весьма важное правило для увеличенія доходовъъ государстѣй и ихъ семи. Да будуть много тѣхъ, которые проплатятъ эти доходы, а мало тѣхъ, которые жаль расплатятъ, пускай много труда тѣ, которые увеличиваютъ ихъ семью кругомъ, а тѣ которые издерживаются чѣмъ, пускай дѣланыя это утверждено. Вотъ такими-то образомъ доходы и будуть всегда достаточны. Но что отличается глубокой и скрытой мудростью, принадлежа притомъ къ числу языческихъ писателей, такъ это обращеніе Конфуціа къ политическимъ правителемъ: — Если правители государства

¹) Текстъ, 4.

²) Текстъ, X, 4.

ЛІТ. СПУЧІУ римськ. (?)

ЛІТ. ПІЧУЧІУ римськ. (?)

заботятся только о собирании богатств для личного употребления, то они несомненно приведут из себя разоренных людей; эти люди уйдут изъ, что, они хорошие и добродетельные правители, и эти разоренные люди станут управлять странами. Но управление этих недостойных правителей наименее-было бы управление бессердечных и гонимых добродетельными, могли бы устроить подобные посчеты? Это показывает, что правильное государство не должно накапливать себѣ богатства на счетъ общественныхъ доходовъ, а должно добывать изъ справедливо и законно.”)—Наконецъ Конфуций по-видимому утвѣдилъ значение конституціиныхъ правителей, сказать:—Тѣ, которые назначаютъ възможныи правителямъ, служить своимъ классамъ по принципу прямаго разума (а не по жестокимъ критеріямъ); если же они не могутъ такъ поступать, то удаляются²⁾.

Послѣ смерти Конфуция и его главныхъ учени-

1) Аристотель, книга политики чи, перво, ии отъ рѣ-ко-и-и.

²⁾ Ть-чи, XI, 22.

³⁾ Джанъ-ю, XI (1-я глава), 28. Слѣдуетъ принадлежать конституционному правителю.

какъ, случилось то, что всегда случается: школа разстриялась, учение было пренебрежено и оставлено; образовалась новая секта. Чувствовалась потребность реформы. Среди сектъ разнствавшихъ въ эту эпоху въ школы Конфуция, приходить главнымъ образомъ лѣтъ, противоположная одна другой и совершенно отдѣленная отъ той среды, на которую философъ смотрѣть какъ на основу своей морали; именно,—секта Ихгою (секта Ме¹). Шершакъ былъ по видимому членъ-то въ родѣ самаго грубаго инквизиціи: въ мораль онъ придавалъ только себестоіміе, въ политикѣ проповѣдывалъ ненрѣю и сообразъ же принципіи императорской власти. Секта Ме, напротивъ того, присторожила Сократитскую любовь къ человѣчеству, но она бѣла тужда самаго существенія чувства.

Бы неслыханною вѣтью думъ сесть, которую можно было бы назвать соціалистической, принадлежала голова ученыхъ, проѣзжій корочемъ тѣхъ, которые состояли въ государственной службѣ и потому должны были остерегаться признавать идеи посланные за самостоятельность государства.

Какъ бы то ни было, во хитрый и пропащатель-

¹ Ихгою (Ихгоу) — это же секта Ме (Ме-хуау). (В. А.-А.)

¹⁾ Ихгою-хуау, I, VI, 9; II, табл. 26.

ший Мэнгъ-тэу (Мэнгъй), для стойкости спута изобличений ученик Конфуция, изображает основателей двух упомянутых сектъ следующимъ образомъ. Дингъ-тэу основываетъ все свое учение на личность интересъ, на себебоинъ, эточай. Если-бы для какойнибудь общественной пользы ему нужно было покортировать хоть одногъ волоска съ своей головы, то онъ ни-зачто-бы этого не сделалъ. Мэнгъ-тэу толь любить людей, что если-бы пошли они до самой жизни съ мѣгъ могъ доставить государству хотя такуюнибудь пользу, то не откажется-бы отъ этого. Послѣдние цитата не лишены тѣхъорой зоркъ, потому что трудноъ сажать дѣлъ подврать, чтобы ученикъ Конфуция имѣть такого образца предъздѣсь любовь къ общественности благу; отъ зоркъ хотѣть сказать, что Мэнгъ-тэу не падаетъ на достоинства, ни честна гордость, чтобы быть полезнымъ государству, и всегда одинъ ничего не ставить выше своей личности, другой же приходитъ: этю личности должно съ униклономъ собственнаго достоинства. Между этими двумъ типами учениковъ, Мэнгъй возбуждается и восстаиваетъ ученикъ о серединѣ, ученикъ предисловиющее уваженіе къ самому себѣ и любовь къ другимъ, ставящее основу всѣхъ обязанностей — симънее поченіе, присущее монаршу честь, отвергая

впрочемъ тщетно: того и другого, и прачелаетъ пылающе чадить изъ прароды вселенной. Меній кажется, что есть призванъ продолжить учение Конфуція и защищать его противъ тѣхъ, которыхъ есть называетъ варварами. Ею обозначаются склонности къ сворачъ, но это составляетъ для него необходимость, иѣдь есть ученикъ скита човѣка ¹⁾.

Одна изъ ученикъ Менциа, изъ перваго поколѣнію почти такое же значеніе имѣла софистъ изъ діалога Сократа, Ксеноѳонту, утверждавъ, что человѣческая природа по праисходженію своему стользаконно имѣла честь въ себѣ добра, сколько и ма, но при всемъ тойъ боязничи въ отношеніи къ добру и злу ²⁾. Оныъ сравнивались природу человѣка съ тѣбѣзъ искръ, и говорили, что справедливость и законность хороши въ речи, склонной ить такою имъ ³⁾. Оныъ училиъ также, что природа человѣка подобна водѣ, которая одна и та же въстаетъ, текъ и на западъ, и течетъ туда, куда ее направятъ: такъ точно и человѣческая природа, всегда

¹⁾ Менциусъ, I, ч. 9. въ факсимилѣ съ бѣлымъ

²⁾ Титл.-ж., II, т. 6. Гимнъ эта, быть можетъ, античнѣйшъ въесь по отнесенію къ философіи, и склонять имѣлся.

³⁾ Титл.-ж., II, ч. 1.

одна и также по отношению къ доброму и злу. Это все разве, говорить съ? — что добродетель есть последствіе воспитанія и что изъ человѣкѣ не выѣхаетъ прирожденныхъ нравственныхъ началъ. Менѣѣ отвѣчаетъ ему, что природа человѣка *имѣетъ* добро, точно такъ, какъ въсе остальное творитъ членъ. Правда, сжимая воду, ее можно заставить брызгать възеръ, но ужъ это не будеъ природная способность воды, а навыкъ-способность дѣятельности. Правда также, что природа человѣка *заключаетъ* его творить зло; но стремленіе къ злу не есть его прирожденное счастье¹⁾). Европейцы обладаютъ чувствомъ милосердія и благочестія, чувствомъ стыда и претрѣпки изъ перваго; вѣроятно обладаютъ чувствомъ смиренія и уваженія, чувствомъ одобрения и норачанія²⁾). Подобно тому, какъ у всѣхъ людей одинъ и тотъ-же мозгъ, который даетъ имъ возможность испытывать одно и тоже удовольствие, однаково приятное и одному и тебѣ-же мозгу, такъ точно у всѣхъ людей одинаковое сердце, и все то, что соотвѣтствуетъ ему, есть *справедливость*³⁾). Ось дѣ-

¹⁾ Менѣѣ-тому, II, ч. 2.

²⁾ Тамъ-же, II, ч. 6.

³⁾ Менѣѣ-тому, II, ч. 1.

здать прекрасное сравнение души съ горой, на ко-
торой изрублены всѣ деревья; тоже самое произво-
дить страсти въ душѣ человѣка; съѣтъ уничтожаютъ
въ себѣ чувства человѣческія и саранчевскіе.
Человѣкъ возвращается изъ добра подобно ико-
нодѣламъ отросткамъ покидающимъ изъ мастерской боль-
шихъ деревьевъ срубленного леса; то зло совершен-
ное въ предложеніи для получения звѣздчатыхъ добро-
дѣтелей, которая стала быть производиться при ти-
хомъ и благотворномъ дыханіи утра. Человѣкъ со-
стоитъ изъ большихъ и малыхъ частей,—изъ обман-
ностей разумъ и страшостей. Поглощается внутрен-
нимъ природы, все равно, что покиноваться лучшей
части самаго себя, т. е. прошлому, мысленному что
добро даже выходитъ изъ памяти самаго, а не изъ памя-
ти; и что если искалъ его тамъ, то не найти не-
возможно^{1).}

На роду есть таки великия мысли, достойныя
Марка Агрія², у Менція³ и у Конфуція, встрѣ-
чаются необыкновенно простыя мысли.—Важно
отъ человѣка, который не потерялъ возможности и
способности своего дѣятства^{4).}

¹⁾ Тамъ-же, 6, 18; VII, 1, 8.

²⁾ Менгъ-тику, II, II, 12.

³⁾ Ш. франц.-нем.

⁴⁾ Ш. франц.-нем.

⁵⁾ Ш. франц.-нем.

Хотя Менцій и защищалъ, а иногда основательно разрывалъ мораль Конфуциа, но не тѣ морали пре-
имущественно его происходство; его письмы самостоя-
тельность включаются въ политической философии;
тутъ въ сущности и точности онъ рѣшительно пре-
сходитъ своего учителя. У Конфуциа, какъ мы видѣли,
встрѣчаются довольно обширѣ глязда на политику; онъ
никогда не обращается непосредственно къ монархии
и газора имъ, выражается рѣкомъ осторожнѣе. Мен-
цій, напротивъ, какъ будто имѣя право на себѣ
обращаюсь прямѣй и шире къ монархии; онъ говори-
тель съ пими глазами, блызродѣй, иногда замѣчательно дерико. Такая оппозиція распространялась; Т
ако спрашивали себѣ, хоти и не исполнили
ихъ. Оттъ не только, подобно Конфуцию, давать со-
веты во всѣмъ наиспослѣдствіи добротелей, но и из-
ложиць свой методъ какъ обѣ управлениія таѣмъ и
обѣ образъ правления. Его разсужденія были ха-
рактера инспирируемаго и имѣть съ тѣхъ естроуміи,
какимъ свойство созадавать, и тѣихъ, не безъ ос-
нованія, находили изъоторое сходство съ проповѣдью
Сократа. Вотъ и незадолго приобрѣтъ этой лекціи
діалектизмъ. Одинъ первый министръ высказалъ ему
своё желаніе облегчить положеніе народа, и общались
съ имъ дѣйствіемъ уменьшить налоги, такъ-какъ от-

мъянуть иль сразу незвождно. Мань-тэу не бывал
еще этикъ согласенъ и отвѣтъ ему слѣдующей
остроумной, хотя и не особенно убѣдительной пра-
тикой: — Я знаю теперь человека, который каждыи день
вернутъ у своихъ сосѣдовъ курь. Броши ему гап-
паль: поступки ваши не собразили съ поездившемъ
честного человека. Онь отвѣтъ на это: я нѣтъ хо-
чется исправляться отъ своего порока постепенно, да
будущаго года я буду воровать только по однѣй ку-
рицѣ въ день, а потомъ уже совсѣмъ перестану изъ-
таскать (Кн. I, гл. VI, 8).

Въ другой разъ Мань-тэу, во время спора съ прав-
ителемъ области, спросилъ его, какъ нужно поступить
съ другомъ, который дурно управлять порученными
ему дѣлами. — Прекратить съ него всѣ споры, отвѣ-
чалъ правитель. — А съ судьей, который дурно исполь-
зуетъ твою обязанность? — Отѣшить его отъ долж-
ности, сказъ правитель. — А если дурно управляется
область, что тутъ надобно дѣлать? — Правитель сѣ-
дали видѣть, что по помянутому вопросу, посмотрѣть на
право, потомъ на лѣю и затѣмъ перейти къ раз-
говору ¹⁾.

По видимому, тѣ школы Конфуция существовали не-
редкий по преданию обычай говоритьъ иронично

¹⁾ С. 4, ч. 8.

разинь и сильниь, хотя изъ той же эпохи и почти
такойже никомъ. Мр-зтигъ сорокъ Тсусса, внука
Конфуція, какимъ образомъ импературу спаравть дружбу
съ ученикъ? — Служь ему и уважай его, — чисто
философъ (VI, гл. 7).

Такъ-такъ говоритьъ китайцы! — берегитесь,
то что исходитъ отъ вѣтъ, иѣ вѣтъ-же и
возвращается. Менцій объясняетъ это сдѣланнымъ
образомъ: народъ вынужденъ то что получаетъ.
(I, гл. 12). Ось тѣль вѣтъ то боязь наказа-
вать императора терпія лягушка. Пусть государь не
считать моихъ словъ странными! Императоръ спро-
спросилъ подданныхъ, подданный не ошибился дать ему
отвѣтъ весогласный съ справедливостью и исти-
кой¹⁾. Озлитическая ученія Менція, либеральны,
хоть задобре выражаются въ прыткості въ китай-
скому философу и могутъ показаться странными.
Но о проводникахъ власти, обѣ глашаніи, о поеди-
нкахъ съ ней обязанностихъ, ося ликвидизовать
принципъ всесиа сладкихъ съ приштыми Западомъ.
Право верховной власти есть объяснить вѣкового-го
рода соглашеніемъ между Небомъ и народомъ²⁾.

1) II, гл. 9.

2) II, гл. 5.

Мы видели, что Конфуций допускает за недостойное поведение лишение верховной власти. Менций производит то же самое, только из более скромных выражений. Онь приводит в пример посвящавшихъ императора изъ династіи Тану, которыхъ нередко называли безумными и искажими¹⁾.

Все политическая теория кратко выражается въ словахъ, которые показутся скучными даже для публициста изъ Запада:

Менъ-тану захватить народ; онь доводить до стадіи богохульства о тираніи изъ министровъ; онь даже прогулко ходятъ изъ гилянью своихъ богохульствъ и распуть жестокую и кровную партию народныхъ бѣдствій²⁾). Онь обвиняетъ богохульство въ томъ, что они разлучаютъ народу сѣти, принуждали его всѣстѣйшій бѣдѣтъ изъ монголіана, а потому называютъ сверхъ³⁾ за преступленія, изъ которыхъ самъ же оны же поспѣли. Чтобы помочь такому подчиненію народу, Менций предлагаетъ для средства: утверждепіе собственности⁴⁾ и стыду налогомъ⁵⁾. Онь

¹⁾ II, 1, 2, 3.

²⁾ I, п. 12 и та, 1.

³⁾ I, 1, 1.

⁴⁾ I, 1, 7.

⁵⁾ I, III, 3.

проверить что собственность, такъ какъ она установлена, не дастъ члену никакое чѣмъ бы ейъ могъ содержать своихъ родителей, жену и дѣтей, ако-слѣ избавлять его отъ крайней бѣдности въ избѣгаемые годы и осуждать на голодъ изъ неурожайныхъ. Онь увязывается изъ старчества въ юношество, ищущихъ въ лужахъ и канавахъ смерти для того, чтобы избѣгнуть мученій голодъ, тогда какъ изъ это самое края богдоханскія жители перевалены хлѣбомъ. Меній очень хорошо понимаетъ значеніе собственности: скопище духа и любви на перекрестьяхъ есть собственностью; отсутствіе собственности влечетъ за собою смуты и производитъ беспорядки. Могутъ-таки портить установленіе налогомъ на товари, таъ-такъ они увеличиваютъ дороговизну,— налогъ на избѣжавшихъ сиротицу, таъ-такъ они отлагаютъ путешѣствіемъ,— налогъ на подушную подать и обрѣзь съ лохта, таъ-такъ они падаютъ бременемъ на ремесленниковъ, отрицаютъ никонецъ установленіе налога на доходы (дасынчу),— таъ-такъ они обрѣзаютъ земледѣльца. Онь допускаетъ только одинъ родъ налога, называемаго пятьюродной помощью и служащій для обработки земель сообща богдоханскихъ полей ¹⁾.

¹⁾ I, гл. 10.

Быв. Зем.

Намъ очевидно нельзѧ сдѣлать спрацедности по-
ртній Менциі финансаго управлінія сто страны,
но не видно, чтобы этими портніями Менциі при-
обрѣзъ себѣ враговъ въ боддоанскихъ палатахъ, кото-
рихъ съѣзъ посыпалъ перѣдъ. Жизнь его, широкая,
и не было большої гибели¹⁾; боддоаны ласко посыпали
его и даже посыпали въ землю за скобами и рѣз-
цами, относящимися до его учения. А учение его
состоило въ разномѣрочнѣ распределеніи участій
земли, съ точно определенными пропорціями. Налоги
должны были, по его мнѣнию, облагать изъ народной
имѣніи, о которой сказано выше, или изъ десятины,
смотря по местоположенію земель. Земли, находи-
вшіеся вблизи столицы, и поэтому болѣе доходные,
должны были бы облагать податью ракою десятой
части получаемаго съ нихъ дохода, что-же касается
до земель болѣе отдаленныхъ отъ столицы, то ихъ
должно было бы раздѣлить на десять частей и обра-
ботывать сообѣдъ, употребляя доходы съ нихъ для
содержанія чиновниковъ. Всѣ эти десять четыреху-
гольныхъ участковъ земли образуютъ квадратъ паникъ (panig) и состоять изъ десятидесяти десятинъ; это де-
сятины должны быть отведены общественному полу-

1) I, т. 8.

и обрабатывается сообща посреди симбетами, путь которых каждому отдельно до сту досматривается. Кажды кель этих частей образует квадрат и таинство образуется изъ ста квадратов, среди которых захороняется общественное поле. Мы видимъ, что это управляемая система, въ которой суть-ли не всегда сводится каждымъ первоначальнымъ социальнымъ теорію; по видимому, нѣтъ ничего проще раздѣла, и только бытъ въ постоянно развивающемся усложненіи интересовъ указываетъ выудобства такой теоріи. Много подобныхъ системъ встречается и у греческихъ философовъ. Но для того, чтобы можно было оценить своеобразие и значеніе системы Менція, надо по ближе познакомиться со смилькою и землемѣрческою организацией его страны и его пика.

Всего замѣтительнее изъ социальныхъ теорій античныхъ философовъ, что изъ нихъ не встречается ни одной черты, которая бы напоминала разделеніе на касты, или рабство. Менцій признаетъ только два, изъ равной степени необходимыхъ разряда людей¹⁾.— Одни, говорить онъ: — работаютъ умомъ, другие — руками. Тѣ, которые работаютъ умомъ, управляютъ

¹⁾ Т. ч. 4.

людьми; также, которые работают руками, управляются первыми. Тѣ, которые управляются людьми, портить этиль людей; тѣ, которые управляются людьми, ими прозаичиваются. Такова вождебій законъ вселенной. Вотъ, нетипно члены сего! Ничего подобного не встречается даже у величайшихъ мыслителей Греціи. Ни единаго сего прозорѣй безчленному классу людей, работающимъ руками; между тѣмъ, которые мыслятъ и тѣмъ, которые работаютъ, между тѣмъ, которые управляютъ и тѣмъ, которые прозаичиваются, существуетъ тѣсная, неразрывная связь. Можетъ быть пѣвоторые подумаютъ, что китайскій философъ, предвидя заранѣе упреки, которые издалинутся противъ ручного труда, считаетъ необходимымъ изощрять этотъ трудъ и доносить его достоинство? Нисколько, онь, совсѣмъ напротивъ, хочетъ указать только то, что этотъ родъ занятія не обозначаются для всѣхъ и что изѣбе есть также своего рода трудъ. Онь доказываетъ, что на-учить народъ понимать себя, еще не иного значить, что надоѣло еще научить его образовать свой разумъ тѣ, которые трудятся надъ увеличеніемъ круга своихъ занятий, не имѣть времени заниматься земледѣлемъ. И такъ, спрадливъ, что тѣ, которые развили свой умъ, управляютъ людьми и прозаичи-

наются на счетъ изъ труда. Подобно тому какъ монархъ изъ Китая можетъ умножитель и не склоняется богословиемъ, такъ и политика тамъ вполнѣ честолюбивъ и не предполагаетъ изъ послѣдн资料а съда осократіи. Правление изъ Китая, какъ мы видимъ изъ книгъ Конфуция и Менциа, — извѣрженнное неограниченное, но смигнувшее предчувственіемъ мудрости. Народъ не рабъ, но поданный къ великому правительству только изъ него; по крайней мѣрѣ онъ дѣлаетъ лучше прокурющеюся только съ Небомъ, отъчъянъ и слѣпъ нальюсь.

Таковы политическія учения, которыхъ подтверждаютъ сапицкими книгами Китая и передаются существующими въ этой странѣ преданіями. Странное дѣло! — это, обнесшіе стѣны страны, ревниво оберегающіе свое религіозное, отчужденіе отъ семи другихъ государствъ, избуждающее удивленіе иностранцевъ, издревлею и враждебна въ европейской — больше всѣхъ другихъ странъ. Востокъ приближается къ нашимъ концепціямъ, а учение ехъ болѣе всего сходится въ выводахъ съ нашими учениками. Между тѣмъ, какъ для того, чтобы понять востокъ Индію, достаточно только перевести китайскіе авторовъ, для того чтобы они стали почти что французскими. И винѣнъ, изъ этого случаѣ исключаютъ

все, что зависит отъ ибстинъ и събрантельнъ, чуждыхъ наль бытъ и пранчики, чо-же зависятъ существа дѣлъ, то не заслуживаютъ ли эти философи, которыхъ мысли мы только что упомянули, стать на раду съ възможностью моралистами, которые, не различая ни времена, ни естествы, ни общности, являются наставниками и покровителями всего человѣчества? Зашутъ не долженъ стыдиться признать учительами своихъ дѣлъ китайцевъ, гдѣ-бы они ни встрѣтились, слабость человѣческая должна обращаться съ ними въчитально и благопрѣбно проявляться предъ ними.

Какимъ образомъ Китай, въ видѣ Востокъ, совершилъ изъ первоначальной мудрости оставшую часть света, осталась на одной чертѣ, перешагнуть вторую ему не подвигомъ не по силамъ? Къ чертѣ этой оень прашать вѣроятно не съ первого раза; сѣть достичь ее послѣдовательнымъ движениемъ впередъ. Отчего же движение это остановилось; между тѣмъ на пах-нижнемъ Западѣ, все идетъ впередъ и бѣспрѣкно воз-обогащается. Какимъ образомъ въ неподвижномъ Востокѣ все жить будто останавливается и слова олимпийко?

Вопросъ этотъ о Востокѣ предстоитъ разрѣшить наукѣ. — Впрочемъ разрѣшение это можно предугадать. Неподвижность Востока только относительна.

Если прогрессъ совершается тамъ медленно, то всевозможны случаи результаты его не вы翀ки. Тамъ также бывало и движение, и борьба, и несогласие ученикъ; и даже государство тамъ и наука тамъ подвергались переворотамъ. Бывали только философіи, и мы уже видимъ что въ Индіи, подъ влияніемъ брахманізма развились многоголосіе философіи школы. Мы знаемъ также, что у буддизма, этого протеста противъ брахманізма, были свои секты, различные разыѣленія которыхъ теперь едва замѣтны, но которые принимали различные позиціи въ мысли, начиная съ оракулъ и кончая интизмомъ. Въ Персіи были различные и философіи секты, сходные съ школами изъ числа которыхъ встречаются: рапіонализмъ, спиритуализмъ, гинуренізмъ и даже коммунизмъ. Пакистанъ же Бхагів, ученикъ Конфуція, по-тривиальному аморальными сектами и воссталоизбогатому умышиль Мешіцемъ, пришлось отшаривать въдачность разума и души у ученика Фо (буддизма) или ученика Ло-тску. Изъ этихъ разнородныхъ учений образовалась послѣдствіи все возможныи школы.

Не становъ больше распространяться объ этихъ странахъ, еще очень мало послѣдований. Наука пока еще только учится читать книги Бостока.

